

ЖУРНАЛ
КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

1994 Выпуск II

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1957 ГОДА

Учредители: Институт мировой литературы А. М. Горького РАН,
Фонд «Литературная мысль»

СОДЕРЖАНИЕ

XX ВЕК: ИСКУССТВО. КУЛЬТУРА. ЖИЗНЬ

- 3 **Д. ПЭН.** Двойничество в русской советской лирике 1960—1980-х
- 30 **Е. ТРОФИМОВА.** Советская женщина 80-х годов: автопортрет в поэзии
- 45 **Б. САРНОВ.** Развивая традиции Прокруста (Михаил Зощенко и его редакторы)

ТЕОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

- 92 **П. ГАЙДЕНКО.** Человек и человечество в учении В. С. Соловьева.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- 105 **А. ПАЙМАН.** «Пошли упорство верить и стремиться...». Беседу вела Е. Иванова
- 117 **М. КОСТАЛЕВСКАЯ.** Дуэт — дуэль («Моцарт и Сальери» Пушкина)

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 129 **М. ЛАНДОР.** Почему Хемингуэй и Фолкнер не приехали к нам?

- 145 **Л. БАБИЧЕНКО.** Как в Коминтерне и ведомстве Жданова выправляли «Интернациональную литературу»
- 156 Сострадательное участие (Из литературно-критического наследия А. Карельского) *Вступительная статья и публикация О. Вайнштейн*

В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

О классиках и современниках

- 177 **Г. САПГИР.** Полеты с Шагалом (Записки поэта)
- 186 **Е. РЕЙН.** Иосиф

ПУБЛИКАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ. СООБЩЕНИЯ

- 197 Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД): Вокруг творческого наследия Маяковского. *Публикация Л. Пушкаревой*
- 223 **Ю. БУРТИН.** Власть против литературы (60-е годы). *Публикация документов И. Брайнина и А. Петрова*
- 307 В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров *Вступительная статья и публикация В. Сапова*

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

- 347 **Вл. ОРЛОВ.** Иронические стихи
- 351 **В. БУРИЧ.** Фразы и парафразы
- 353 **Л. РОБЕЛЬ.** Стихи о творчестве. *Перевод с французского М. Павловой*
- 355 **К. ТУХОЛЬСКИЙ.** Господин Вендринер и другие. *Перевод с немецкого Е. Вербина*

МОЗАИКА

- 368 **А. ТВАРДОВСКИЙ.** Внутренние рецензии
- 375 **Ю. ГУСЕВ.** Четвертый «Евгений Онегин» по-венгерски

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. А. Анастасьев, Н. И. Балашов, Г. А. Белая, А. Г. Битов, А. Г. Бочаров, С. Г. Бочаров, М. Л. Гаспаров, Л. Д. Громова-Опульская, Ю. В. Давыдов, Н. А. Ефимова (США), А. М. Зверев, Ф. Ф. Кузнецов, Д. С. Лихачев, Ю. В. Манн, А. А. Михайлов, А. В. Михайлов, В. М. Озеров, Ю. М. Овсянников, Е. П. Чельшев, И. О. Шайтанов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. И. Лазарев (главный редактор), **Т. А. Бек** (отдел современной литературы), **Т. И. Джалилова** (отдел публикаций), **Д. А. Ермаков** (отдел рецензий), **С. В. Ломинадзе** (зам. главного редактора), **Г. К. Львова** (зам. главного редактора), **В. С. Непомнящий** (отдел русской классической литературы), **А. В. Полетика** (отдел хроники), **О. А. Салынский** (отдел современной литературы), **К. Н. Траилин** (Исполнительный директор Фонда «Литературная мысль»), **Л. М. Шаралкова** (отдел зарубежной литературы), **Н. Н. Юргенева** (отдел русской классической литературы)

В. И. ИВАНОВ И Э. К. МЕТНЕР. ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ МИРОВ

Переписка В. И. Иванова и Э. К. Метнера охватывает период почти в четверть века (1911—1933). И хотя в середине ее образуется длительная пауза, продолжавшаяся целых тринадцать лет, что превышает половину срока всей переписки, ощущения ее фрагментарности странным образом не испытываешь: оттого ли, что «фаза молчания» приходится на страшные годы войны, революции и гражданской смуты, когда «разговаривали» пушки, а Музы, как и положено им, молчали, или, может быть, оттого, что цельность личностей обоих корреспондентов обеспечила и внутреннюю целостность их переписки, — трудно сказать. А возможно, что оба они — и «звездочет вечности» Вяч. Иванов, и несостоявшийся «российский Шпенглер» Эмилий Метнер — так тесно соприкасались с Вечностью, что были неподвластны течению обычного «земного» времени.

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови...

А в таком случае, какое имеет значение, сколько лет длилась пауза — десять или пятьдесят?.. И какое дело нам до того, когда эта переписка началась и когда закончилась? Мы так долго находились в исторической летаргии, что «голоса из невидимых стран», которые сегодня, «когда мы, мертвые, пробуждаемся», доносятся до нас, кажутся нам и звучащими именно сегодня, именно сейчас, хотя там, откуда они долетают до нас, эти голоса уже давным-давно отзвучали...

Сбылось по слову Федора Степуна: «...на социологически радикально перепаханной почве завтрашней России культурный расцвет начинается с воскрешения тех проблем и идей, над которыми думали и страдали люди символизма»¹.

Слишком рискованно было бы утверждать, что сегодня расцвет уже наступил. Но и ночь, кажется, уже прошла, «четвертая стража» закончилась. И вот мы — в предчувствии рассвета...

Из двух участников переписки один, к счастью, не нуждается в представлении: имя Вячеслава Иванова, несмотря на весь его «эзотеризм», знакомо почти каждому образованному русскому читателю. Известно оно и в «массах». Еще в 1909 году один из критиков отметил: «Имя у него просто громкое. Нет такого гимназиста в России, в котором оно не будило бы самых веселых и приятных воспоминаний. Все знают, что это тот самый поэт, который вместо «аромат» говорит «вонь», вместо «страсть» — «ярь», вместо «берут» — «емлют» и на которого поэтому так легко и удобно писать пародии. По пародиям его, собственно говоря, и узнали в так называемой большой публике. Подлинные же стихи и статьи этого поборника «всемирного искусства» читает, разумеется, не народ, а много-много человек двести. До всемирности — ух, как еще далеко»².

Вероятно, это был максимум популярности, достижимой в то время для В. И. Иванова. А каков он будет в наше время, покажет, надо надеяться, ближайшее будущее, когда доживем до издания в России основных его сочинений.

В 1911 году, то есть ко времени начала переписки с Э. К. Метнером, В. И. Иванов уже шесть лет как жил в России, успев за столь короткий срок стяжать и славу всеми признанного «мэтра» русского символизма и фактически провозгласить конец символизма и собственное свое от него отречение. К 1911 году В. И. Иванов издал несколько своих поэтических книг, исследование об «Эллинской религии страдающего Бога», книгу статей «По звездам» (которая весьма символично вышла в свет между «Вехами» и «Материализмом и эмпириокритицизмом»: таковым и бу-

¹ Ф. С т е п у н, Вячеслав Иванов. — Лидия И в а н о в а, Воспоминания. Книга об отце, М., 1992, с. 388—389.

² Л. Г [а л и] ч, Прекрасная модель. — «Речь», 17/30 августа 1909 года.

дет, по-видимому, ее подлинное место в истории русской словесности). Внешние обстоятельства его жизни в это время также, в общем, хорошо известны³, поэтому уместнее будет в этой статье большее внимание уделить его «коллеге» по переписке — Эмилию Карловичу Метнеру.

Нельзя сказать, чтобы имя Э. Метнера было вовсе неизвестным. Редкая книга или статья, касающаяся проблем искусства и культуры серебряного века, обходится без его упоминания: столь тесно он был связан с центральным «ядром» символистов (А. Белый, Вяч. Иванов, А. Блок — этих трех имен более чем достаточно, хотя «полный список» деятелей культуры, философии и искусства, с которыми так или иначе был связан Э. Метнер, длиннее, быть может, в десятки раз), что, говоря о них, просто невозможно обойти молчанием и его. Не обходится без упоминания Э. Метнера и история русской музыки начала XX века: здесь его имя встречается в соседстве с такими именами, как С. В. Рахманинов, Н. К. Метнер и др. Специалистам по Ф. Ницше и Р. Вагнеру имя Э. Метнера также небызвестно.

И тем не менее все эти многочисленные «упоминания» есть именно «упоминания», «подстрочные примечания» и «комментарии» — не более того. Э. Метнер — сам по себе — еще не привлекал внимания специалистов и исследователей и поэтому во многом и для многих остается фигурой загадочной и величиной нераскрытой. А жаль, ибо на «Парнасе серебряного века» не было, пожалуй, другой столь же самоотверженной, самобытной и по-своему трагической фигуры, как он. Благодаря Э. Метнеру смогли реализовать себя многие, он же добровольно и великодушно принял на себя смиренную роль историко-бытового комментатора чужого творчества: мучительная и неблагодарная роль! И поэтому нужно восстановить историческую справедливость.

Эмилий Карлович Метнер родился в Москве 7 декабря 1872 года. Он был старшим из сыновей Карла Петровича Метнера (1846—1921) и его жены Александры Карловны (1843—1918), урожденной Гедике. В семье Метнеров было еще трое сыновей (младших братьев Э. К.): Карл (1874—1919), Александр (1877—1961), Николай (1879—1951), ставший впоследствии знаменитым композитором, и дочь Софья (1878—1943), в замужестве Сабурова. Предки Э. Метнера — немцы как с материнской, так и с отцовской стороны — переселились в Россию в конце

³ См.: Лидия И в а н о в а, Воспоминания. Книга об отце.

XVIII — начале XIX века. Об этих своих полулегендарных предках Э. Метнер подробно рассказал в письме к П. Д. Эттингеру от 27 сентября 1921 года⁴. Из этого письма, в частности, известно, что предок Э. Метнера по материнской линии, носивший фамилию Гебхард и состоявший в отдаленном (и, может быть, легендарном) родстве с И. С. Бахом, сменил карьеру протестантского пастора на профессию актера и с кочующей труппой оказался сначала в Риге, а потом в Петербурге. («Невольно напрашивается литературная параллель с Вильгельмом Мейстером», — замечает по этому поводу автор письма⁵.) Известно также, что этот легендарный прадед Э. Метнера находился в переписке с И. В. Гете и молодым тогда Р. Вагнером. Поэтому свое «гетеанство» Э. К. Метнер также считал в какой-то мере чертой наследственной.

«Фамилия Метнер (Medtner), — сообщает он далее, — родом из Шлезвиг-Голштинии, где она занималась фермерством. Подобно тому как традиция фамилии Гедике напоминает о шведских предках, традиция фамилии Метнер — о датских»⁶.

К сожалению, о детских и юношеских годах самого Э. Метнера известно немного. На старости лет (уточним: на шестом десятке, ибо люди прошлого века имели тенденцию «стареть» быстрее, чем люди века нынешнего) Э. Метнер вознамерился написать свои воспоминания. Ему, конечно, было что рассказать, и очень жаль, что эти свои воспоминания он так и не написал. Сохранились, однако, наброски и черновики этого замысла, среди которых имеется несколько записей о детских и гимназических годах Э. Метнера⁷. Вот некоторые из них:

«Каждая перемена есть частичная измена. От нас зависит, чтобы перемены, которые произошли помимо нашей воли, которые случились, — не остались без последующего

⁴ «Н. К. Метнер. Воспоминания. Статьи. Материалы», М., 1981, с. 290—300.

⁵ Там же, с. 293.

⁶ Там же, с. 299.

⁷ Эти наброски носят общее название «Б.И.Б.М.Ж.» (а не «БИБ-ЛИЖ», как указано на папке архивного дела, откуда эта досадная ошибка уже начала просачиваться в печать). Две последние буквы означают, конечно, «мою жизнь» в том или ином падеже. «Б.И.Б.» расшифровать не удалось, к тому же в записях Э. Метнера после буквы «И» иногда стоит точка, а иногда нет, так что неясно, отдельное это слово или соединительный союз. Учитывая «психологический портрет» Э. Метнера, не ошибемся, однако, предположив, что одно из двух «Б» это почти наверняка — «болезни», «беды» или «бедствия»... Что-то вроде этого.

преобразования путем вмешательства в их событие нашего сознания... Тогда элемент измены элиминирован и переменна из механического произвола превращается в органический факт.

Моя детская душа судьбинно срослась с идеей Рима, с государственностью, с народностью, с образами Цезаря и Наполеона. Было ли здесь налицо изменение?.. — Об этом говорить не приходится, т.к. это переживание было не только первичным, но и первым, над кот[орым] заработало впервые проснувшееся сознание, не столкнувшееся еще с бессмысленною гимназическою дрессировкою. Но дальше — музыка и Гете. Музыка должна здесь остаться в стороне: отчасти наследственность, отчасти перенесение государства и его вождя на оркестр и дирижера. Это изменение и отклонение имело свою историю, кот[орая] здесь сейчас имеет меньшее значение, нежели встреча с Гете. Гете, как гениально-индивидуальнейший и ярчайший представитель анти-героизма. Путь Гете несовместим с путем Наполеона. Эти двое самые близкие и самые далекие современники недаром являют собою высочайшую двойную вершину новоевропейского человечества. — Здесь была перемена в моей душе, утомленной гимназическими мытарствами, алкавшей утешителя и бессознательно разверстывавшей вширь свой последующий рост на десятилетия созерцательной жизни вместо того, чтобы сосредоточить ускоренное движение вверх жизненных соков по узким сосудам тех специальностей и тех талантов, что соответствуют более первичным образам, господствовавшим в душе отрока. Отец привел меня к Гете; утвердил прадед Гебхард с материнской ст[ороны] <...>»⁸

«Связь между меньеровой болезнью⁹ правого уха, героизмом, комплексом власти, музыкою и затором ко всему этому из-за этого отодрания правого уха (угол Леонтьевского переуллка и Никитской); игрушечный магазин, выставка в окне преимущественно оловянных солдатиков, расставленных полками и по бокам рыцарского вооружения из картона; экстаз заставил меня восьмилетнего припасть к стеклу или замутировать его дыханием (я в ранце шел

⁸ ОР РГБ. Ф. 167. К. 15. Ед. хр. 1. Лл. 34—34об.

⁹ Болезнь Меньера (названная так по имени французского врача П. Меньера, описавшего ее в 1861 г.) — заболевание, проявляющееся приступами головокружения в сочетании с шумом в одном ухе, снижением слуха, тошнотой, рвотой, нарушением равновесия; приступы продолжаются от нескольких часов до нескольких дней. Чаще всего болезнь начинается в возрасте 25—40 лет.

из школы Мамонтовой домой). Прикащик выбежал из магазина, отодрал мне пребольно правое ухо и вернулся в магазин. Все это было одним ужасным мгновением; боль и отрезвление; с высоты героических мечтаний сброшен на улицу беспомощным школьником, кот[орого] каждая мразь может забить; испуг и чувство глубокого унижения; дома желание плакать и стыд, не позволяющий признаться в понесенном оскорблении родителям. Все это образовало грозную «травму». Насколько она повлияла на мое будущее — не знаю. Но знаю, что еще и теперь, почти полустолетие спустя, помню этот случай со всею яркостью как чувственных, так и зрительных впечатлений, его сопровождавших»¹⁰.

По окончании гимназии Э. Метнер поступил на юридический факультет Московского университета, который закончил в 1899 году с дипломом первой степени¹¹. Трудно сказать, какие именно обстоятельства побудили его избрать юридическое поприще. Быть может, на этом настоял отец — один из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика», который, конечно же, хотел видеть кого-нибудь из своих сыновей в качестве продолжателя своего дела, а они все, как нарочно, стремились не к «делу», а к музыке, литературе, искусству (трагедия Будденброков — одна из типичнейших буржуазных трагедий *fin de siècle*), — и вот старшему — Эмилию — пришлось в очередной раз пожертвовать собой, чтобы младшие братья могли посвятить себя любимому искусству. Но отчасти здесь сказалась, наверное, и присущая Э. Метнеру «юридическая» направленность ума, «государственнический» склад его души. Во всяком случае, интерес к юриспруденции каким-то чудом уживался в нем с увлечением музыкой, о чем свидетельствует одна из его записей мемуарного характера, посвященная годам учения на юридическом факультете:

«Одним из первых авторов, повлиявших во время студенчества на мое умственное развитие, был Рудольф Иеринг, величайший юрист нового времени. Его книги были первыми научными сочинениями, прочитанными мною на немецком языке. Острота его анализа, его то иронически-изничтожающие, то лукаво-юмористические остроты, венское изящество его стиля — все это пленяло меня. Работая над кандидатским сочинением «Учение о владении по Рудольфу Иерингу», я в часы досуга усердно читал дру-

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 167. К. 15. Ед. хр. 1. Лл. 47—47об.

¹¹ Копия свидетельства о рождении и об окончании Московского университета Э. Метнера на немецком языке хранится в ОР РГБ (Ф. 167. К. 16. Ед. хр. 35).

гого остроумного венца, величайшего музыкального критика Ганслика¹², и, помнится, не мог удержаться от того, чтобы в предисловии не сопоставить этих двух писателей. Профессор Гамбаров добродушно посмеялся над моим увлечением и, кажется, разделял его»¹³.

Получив университетский диплом, Э. Метнер некоторое время занимался адвокатурой, а в 1902 году был назначен на должность цензора в Нижний Новгород. Этому, однако, предшествовало его знакомство с Андреем Белым, сыгравшее во всей его последующей жизни огромную роль. В своих воспоминаниях «Между двух революций» и «Начало века» А. Белый подробно рассказал о своей дружбе с Э. Метнером. «Метнер, — писал он, — отчасти — судьба; фантазия наших моральных игр воплощена книгоиздательством «Мусагет» <...>»¹⁴. Но и «обратное» утверждение будет не менее справедливым: для Метнера А. Белый также «отчасти — судьба».

В конце октября 1902 года, перед отъездом в Нижний Новгород, Э. Метнер обвенчался со скрипачкой Анной Михайловной Братенши (1877—1965); шафером на их свадьбе был А. Белый. Но и этот счастливый поначалу брак и казавшаяся в то время столь незыблемой дружба с А. Белым обернулись для Метнера величайшими несчастьями его жизни. Через тринадцать лет они с А. Белым станут непримиримыми врагами, а брак с А. М. оказался и того непрочнее: в 1904 году Э. К. «уступил» любимую жену не менее любимому брату Николаю, ради которого он многим жертвовал в своей жизни. Но эта последняя жертва превышала, разумеется, силы человеческие и в конце концов оказалась не по плечу жертвователю. К тому же все трое, живя в одном доме с родителями, долго скрывали и от них и от знакомых происшедшую «метаморфозу» (а Э. К. вместе с А. М. вынужден был еще присутствовать на всех концертах своего брата). Родители узнали о случившемся «факте» только в 1909 году и, по-видимому, тоже пережили душевную травму. Начавшиеся осложнения с сотрудниками по «Мусагету» (прежде всего с А. Белым и Элвисом) и долгие годы вынужденного притворства не прошли для Э. Метнера даром: дело кончилось нервным срывом и почти вынужденным бегством из России, обернувшимся вечной эмиграцией.

¹² Эдуард Ганслик (1825—1904), автор трактата «О музыкально прекрасном» (1854; русский перевод: М., 1895), как и Э. Метнер, был юристом по образованию.

¹³ ОР РГБ. Ф. 167. К. 15. Ед. хр. 1. Л. 50.

¹⁴ А. Белый, Начало века, М., 1990, с. 90.

Такова в самых общих чертах внешняя канва жизни Э. Метнера до его отъезда за границу. Теперь рассмотрим некоторые факты и события, имеющие принципиальное значение для публикуемой переписки, более подробно.

Нижегородское цензорское «сидение» Метнера закончилось в 1906 году добровольной отставкой. Вернувшись в том же году в Москву, он всецело отдался любимому делу, то есть музыкальной критике. Несколько лет он заведовал отделом музыкальной критики журнала «Золотое руно», но уже первые самостоятельные шаги в этой области показали ему, что рамки только критики слишком тесны для него. Личные контакты с А. Белым возобновились в 1907 году, а вместе с ними ожили и старые мечты о собственном журнале. «Более богатый культурой, чем Брюсов, — писал о нем А. Белый, — он был замурован без единой отдушины; никто не слушал; не умел сказать; не было и трудов, на которые он мог бы сослаться. Ницше и Гобино еще не были в России известны; и он хватался... за Константина Леонтьева, за Аполлона Григорьева, ломая в себе труд «Философия культуры»; напиши он его, — многие бы твердили: «Это — по Метнеру»; мы же часто твердим: «Это — по Шпенглеру» <...>»¹⁵.

С этого же времени, то есть с 1907 года, мечты о журнале стали приобретать более отчетливые очертания. Именно в голове у Метнера родилось «несколько претенциозное», по собственному его признанию, название будущего журнала, а именно: «Мусагет»¹⁶. (Что по-гречески означает «Водитель Муз» — эпитет, в равной степени применимый к Аполлону, Дионису и Орфею.)

Средств для издания журнала пока не было, но в 1909 году, когда немецкая меценатка Ядвига Фридрих, познакомившаяся и подружившаяся с братьями Метнер, согласилась финансировать предприятие (а тем временем мечта о журнале трансформировалась в идею символистского книгоиздательства), никаких внешних препятствий к осуществлению мечты не осталось, и с 1909-го (официально с марта 1910 г.) в Москве начало свою деятельность книгоиздательство «Мусагет».

«Мусагет» был делом жизни Э. Метнера. В своих письмах он нередко и, по-видимому, бессознательно отождествлял себя с «Мусагетом»: написано «Мусагет», читать надо — «Э. К. Метнер». Сама по себе история этого издательства —

¹⁵ А. Белый, Начало века, с. 88.

¹⁶ См.: А. Белый, Между двух революций, М., 1990, с. 530.

одна из интереснейших страниц русской мысли, искусства и журналистики. С некоторой долей условности можно изобразить эту историю как перманентный кризис и перманентный конфликт между главными инициаторами издательства, то есть между Э. Метнером, А. Белым и Эллисом. С «близкого расстояния» кажется, что конфликт этот носил сугубо личный характер, так много здесь чисто человеческих эмоций и обид, взаимного непонимания, недоразумений и оскорблений. Однако безнадежное дело пытаться выяснить, кто здесь в конечном счете прав, а кто виноват.

А. Белый в своих мемуарах изображает историю распада «Мусагета» таким образом, что виновником оказывается Э. Метнер: его «немецкая» страсть к порядку и дисциплине оказалась смертельной удавкой для «свободных художников» (прежде всего, разумеется, для самого А. Белого), и вот подлинные служители Муз один за другим вынуждены были покинуть «Мусагет».

Читая же многочисленные и порой весьма объемистые «циркуляры» (до двух печатных листов!) Метнера, невольно проникаешься состраданием к этому высокоталантливому и несомненно самоотверженному человеку, который взвалил на себя непосильное бремя «руководить» процессом, который в принципе, «по определению» неуправляем. Своеобразным чудом являются даже те результаты, которых он сумел достичь.

Конечно, и Э. Метнер в своей организаторской деятельности допускал немало ошибок. Нельзя было предлагать В. И. Иванову быть в одной редакционной «компании» с Эллисом. Нельзя было приглашать в «Мусагет» И. А. Ильина, когда в нем еще числился А. Белый. Неудачен был выбор секретарей издательства (кроме последнего — В. В. Пашуканиса, который и поставил «последнюю точку» в истории московского издательства «Мусагет») и т. д. и т. д. Список тактических промахов Э. Метнера можно продолжить. И все же крах «Мусагета» (имеется в виду внутренний крах издательства, а не «механическое» пресечение его деятельности в результате революции) был обусловлен не этим.

Причина распада и гибели символистского издательства «Мусагет» заключается в природе самого символизма, который если не с самого начала, то по крайней мере с момента появления на арене так называемых символистов «младшего поколения» сам находился в состоянии перманентного кризиса, отражая тем самым ситуацию общего кризиса, охватившего Россию.

Впоследствии (в 1936 г.), подводя итоги своей символи-

стской деятельности и символизма вообще, В. И. Иванов писал: «Ныне, — несмотря на то, что многие, еще оставшиеся в живых или пришедшие в поздний час символисты и продолжают с неколебимою верою работать в разных странах — школа, ценившая почетное, теперь пустое, звание символизма, всюду несомненно умерла вследствие своего... первородного греха: внутреннего противоречия, ей с изначала присущего. Но в ней жила бессмертная душа; и, так как большие проблемы, ею поставленные, не нашли в ее пределах адекватного выражения, все заставляет предвидеть в далеком или недалеком будущем и в иных формах более чистое явление «вечного символизма»¹⁷.

«Первородный грех» символизма, о котором упоминается в только что процитированном отрывке, заключается в том, что рождение символизма сопровождалось «его внутренним распадом на два разных символизма: на символизм реалистический (в философском смысле этого слова) и на символизм субъективный. Реалистический символизм признает символом всякую реальность, рассматриваемую в ее сопряженности с высшей реальностью, т. е. более реальной в ряду реального. Для реалистического символизма высшая реальность обретается единым актом интуиции либо вне низшей реальности, которая ее отражает, либо имманентно низшей реальности, которая ее обволакивает. Символизм реалистический ищет в вещах знак их онтологической ценности и связи, т. е. *realia in rebus* <...> Совсем иное представляет собою субъективистический символизм. Этот другой вид символизма, со временем восторжествовавший, провозглашает сразу, едва возникнув, свое полное презрение ко всему, что почитается объективной реальностью: она иллюзорнее всякого поэтического вымысла, но не превосходит его в красоте <...> При такой предпосылке, чем же становится символ? Он уже не предмет интуиции, а лишь средство выражения; он не весть, извне приходящая, а вестник содержаний, преимущественно психологических. Он уже не истина, долженствующая быть открытой, а чувственное представление, подлежащее изображению <...> Практически этот тип символизма <...> стремился усовершенствовать систему сигнализаций между уединенными сознаниями, которые, чем сложнее становилась их внутренняя жизнь, тем острее чувствовали свое уединение, вследствие ослабления древних связей общей веры и естественной солидарности: вот почему в эпоху эту невозмож-

¹⁷ В. И в а н о в, Собр. соч., т. II, Брюссель, 1974, с. 667.

ность взаимного понимания стала одним из любимейших мотивов в плачах лирики и в коллизиях драмы или романа»¹⁸.

Статья В. И. Иванова «Символизм», из которой взяты обе приведенные выше цитаты, по сути дела, в сжатой энциклопедической форме повторяет мысли, впервые высказанные в начале 1910 года в его напугавшем докладе, который появился в печати под названием «Заветы символизма». Не вдаваясь в детали развернувшейся вокруг этого доклада и этой статьи полемики, можно сказать так: уже в 1910 году В. И. Иванов провозгласил «конец символизма», или, по удачному выражению современного исследователя, «символизм без берегов».

Все эти историко-литературные реалии читателю переписки В. И. Иванова и Э. К. Метнера необходимо иметь в виду, так как началась она (и совсем не случайно) в значительной степени благодаря этим реалиям. Дело в том, что при отсутствии общепринятого определения, что такое символизм, каждый из тех, кто считал себя символистом, мог настаивать — и настаивал, — что именно его символизм есть символизм истинный. Следствием такого положения дел были бесконечные дискуссии о символизме, которые нередко приводили к личным конфликтам. Как и повсюду в России в начале XX века, борьба за Истину была, к сожалению, неотделима от борьбы за лидерство и личное преобладание.

Первое из публикуемых писем этой переписки датировано 11 января 1911 года. Судя по тональности его, автор письма и адресат, будучи в то время лично знакомы, относились друг другу еще вполне официально. Знакомство их могло состояться, вообще говоря, гораздо раньше, еще в ту пору, когда один из них был сотрудником редакции, а другой одним из авторов журнала «Золотое руно». Но сблизиться они могли только после «Заветов символизма». Доклад В. И. Иванова привел к окончательному расколу в лагере русских символистов. А это, в свою очередь, привело к более тесному сближению единомышленников, каковыми в это время и оказались В. И. Иванов, А. Белый, Блок. Они и задумали в то время издавать «Дневник трех поэтов», и хотя замысел этот не был осуществлен в полной мере, все же на его основе и как частичная его реализация возник символистский журнал «Труды и дни». Э. Метнер и В. И. Иванов стали необходимы друг другу.

¹⁸ В. И в а н о в, Собр. соч., т. II, с. 664—666.

Первому письму непосредственно предшествовали следующие обстоятельства. Во второй половине декабря 1910 года Э. Метнер, по-видимому, по «мусагетским» делам, побывал в Петербурге, где встречался с Блоком и В. И. Ивановым. В письме от 19 декабря 1910 года он сообщал А. Белому: «В Петербурге я навестил один раз Вячеслава: просидел до 2-х ч <асов> ночи; очень хорошо поговорили; Вячеслав стал лучше, чище, мягче; он, по-видимому, действительно очень любит меня»¹⁹.

«Дописьменная» история взаимоотношений Э. Метнера и В. И. Иванова, к сожалению, неизвестна, но вполне можно предположить, что она являлась своеобразным отражением столь неровных отношений А. Белого и В. И. Иванова. Теперь, после «Заветов символизма», оба они оказались в одном лагере единомышленников и на какое-то время предали забвению возникавшие между ними в прошлом недоразумения (это их последнее перемирие продлится до начала 20-х гг., когда «Боря» в очередной и последний раз «выстрелит» в «Вячеслава Великолепного» «Сирином ученого варварства»).

Сотрудничество Э. Метнера и В. И. Иванова довольно скоро стало приобретать черты взаимной симпатии. Психологически эту симпатию объяснить несложно: и по возрасту, и по характеру, и по взглядам на жизнь и искусство они были довольно близки друг другу, хотя, конечно, немалое их и разделяло. Можно было бы сказать, что между В. И. Ивановым и Э. Метнером возникла «дружба», но вся беда в том, что людям символизма дружба в обычном ее понимании была вообще неведома и недоступна. Какая может быть любовь с книжкой! — проницательно заметил однажды Розанов. Приблизительно то же можно сказать и о дружбе: какая дружба, если люди больше всего ценят «мировоззрение»? Скажи мне «како веруеши», и я тотчас начну доказывать тебе, что ты «не тако», не право веруешь, и либо мы станем единомышленниками и друзьями, или — врагами смертельными. На таких «предпосылках» дружбу построить нельзя, и неудивительно, что люди символизма были внутренне людьми одинокими. В этом, если угодно, — и их «тайна», и их трагедия. Отсюда же, быть может, та повышенная экзальтация, с которой они произносили такие слова, как «соборность», «всеединство», «всенародное действо» и т. п.

¹⁹ «Литературное наследство», 1982, т. 92, кн. 3. «Александр Блок. Новые материалы и исследования», с. 376.

Эту «темную тайну нашего одиночества» (фразу Т. Манна, произнесенную им применительно к немцам, не правильнее ли будет применить к эпохе вообще?) вольно или невольно выдал однажды В. И. Иванов:

Покорность! нам испытать три чаши суждено:
Дано нам умереть, как нам любить дано;
Гонясь за призраком — и близким и далеким, —
Дано нам быть в любви и в смерти одиноким.

Недаром «Лидию эти стихи возмущали: «В любви — одиноким? Вот так любовь!»

Впрочем, об одиночестве В. И. Иванова можно говорить только в плане его интимного самоощущения. Как-никак он был трижды женат, имел детей, в разных углах его обширной «бащни» месяцами, а то и годами (как М. Кузмин) живывали всякие «более или менее» друзья и сподвижники, вокруг него всегда были какие-то женщины (влюбленные «мэнады» или просто «поклонницы таланта» — Бог их знает), — нет, права проницательная Анна Ахматова: было в «Дионисии Ивановиче» нечто «Гумберт-Гумбертовское»!²⁰

Одиночество же Э. Метнера носило характер безусловный. Лишь брат «Коля», лишь пожертвованная ему «Анюта», лишь какая-то загадочная Зузи, появившаяся в его жизни уже на склоне лет (сбылось ли пушкинское: «и может быть — на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной»? И — блеснула-таки? — Ignoramus), — вот и все его интимно-домашнее окружение.

И все же, повторим еще раз, при всей непохожести, если не сказать противоположности, миры В. И. Иванова и Э. Метнера в чем-то «центральном» сходились. Если прибегнуть к помощи символов, то можно сказать: один из них был слишком дерзкий «Дионис», другой — слишком робкий «Аполлон». Но, как утверждал неоднократно «феоретик дионисизма», Аполлон и Дионис — «неслиянны и неразрывны». Оба они — «Мусагеты».

Если теперь, после всего сказанного, обратимся к материалам переписки, то, отвлекаясь от ее непосредственно очевидного содержания, уместно будет отметить такие ее моменты.

Обсуждение искусства и правил полемики, несмотря на то, что эта тема имеет вечное значение, заставляет обратить

²⁰ См.: Анатолий Н а й м а н, Рассказы о Анне Ахматовой. Из книги «Конец первой половины XX века», М., 1989, с. 92.

наше внимание на одно весьма немаловажное обстоятельство того времени.

К 1911 году, то есть ко времени начала переписки между Э. Метнером и В. И. Ивановым, для проницательных умов весьма отчетливо обозначилась тенденция всей русской мысли к некоему — еще не вполне ясному — синтезу. Видимая линия водораздела русской мысли проходила в то время между так называемыми «неозападниками» и «неославянофилами». Ньюансы происходившей между ними полемики хорошо описал впоследствии Ф. А. Степун. И он же, умудренный страшным опытом российской истории, чутко уловил тенденции к взаимному сближению этих казавшихся столь непримиримыми течений. После 1910 года оставшиеся считанные годы «мирного времени» русская мысль потратила на поиски некоей составляющей, которая могла бы примирить и объединить в органическом синтезе («сизигии») оба эти направления. Такой составляющей мог стать символизм. Подробное доказательство этой мысли потребует много страниц, поэтому ограничимся здесь лишь краткими тезисами.

Русская религиозная философия конца XIX — начала XX века стояла, как правило, на почве так называемой «апофатической» теологии²¹. Для примера возьмем таких несхожих (но в чем-то и глубоко родственных) мыслителей, как С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев. Книга С. Н. Булгакова «Свет невечерний» настолько перекликается с идеями В. И. Иванова, что поначалу это удивляет. Здесь с первых же страниц встретим и «пылающее сердце», и ориентацию «по звездам» и т. п. Символистская ориентация Бердяева (непременного секретаря ивановских «сред») удивляет, конечно, гораздо меньше, и все же внимательный анализ его поздних произведений заставляет признать, что его тяготение к «символизму» было отнюдь не данью уважения В. И. Иванову, а вытекало из каких-то внутренних глубинных потребностей его (и не только его) философствования. Эту глубинную потребность сформулировал впоследствии с классической ясностью А. Ф. Лосев (в равной мере наследник и русской религиозной философии, и русского символизма): «...апофатика предполагает символическую концепцию сущности»²².

Русское неокантианство («неозападничество») в силу объективных исторических причин не успело высказаться в

²¹ Система теологии, определяющая Бога путем отрицания всех его атрибутов.

²² А. Ф. Лосев, Бытие. Имя. Космос, М., 1993, с. 733.

полной мере. Однако история немецкого неокантианства показывает, что и это направление мысли имело тяготение к символизму. Показательна в этом смысле книга Э. Кассирера «Философия символических форм», два тома которой были изданы в 1925 году.

Итак, утверждение В. И. Иванова о том, что «символизм не хотел и не мог быть только искусством» (как заявил Брюсов), имело под собой глубокие основания. Символизм хотел и мог быть общей составляющей всей русской мысли начала XX века. А это накладывало определенные обязательства на его представителей в отношении ведения полемики. Poleмика периода синтеза (или по крайней мере поиска этого синтеза) должна, разумеется, отличаться от полемики периода «размежевания». Отсюда — такая повышенная чувствительность и В. И. Иванова, и Э. Метнера ко всякого рода «личностям», которые грозили стать поистине бичом русской печати того времени.

Второй не менее важный момент переписки — широкое вторжение в поле русской мысли идей теософии. Один за другим участники «Мусагета» переходили к доктору Р. Штейнеру. Сначала — и навсегда — Андрей Белый, затем — правда, ненадолго — Эллис... Объявилась в России некая «злокачественная фигура» (если воспользоваться выражением Достоевского), загадочная и таинственная Анна Рудольфовна Минцлова, которая лучшие русские умы один за другим совращала в теософию. Для Э. Метнера это в буквальном смысле слова означало катастрофу. Его спор с А. Белым по поводу теософии (Э. Метнер в 1914 году выпустил книгу «Размышления о Гете», где подверг серьезной критике «гетеанские» размышления «Доктора», А. Белый, в свою очередь, написал опровержение, содержащее и личные выпады в адрес Метнера; в полемику включился И. А. Ильин со своим «Открытым письмом»... Дело едва не закончилось дуэлью, но — грянул февраль 1917 года, пал царизм, и всем стало не до Штейнера, не до Метнера, да и не до А. Белого) привел к скандалу и разрыву личных отношений.

Свое отношение к штейнерианству Э. Метнер вполне ясно и четко выразил в письмах к В. И. Иванову.

Здесь достаточно будет сказать, что теософские идеи вообще получают распространение в обществе, когда творческая эпоха его развития уже пройдена. В этом и, пожалуй, только в этом смысле теософия накануне войны 1914 года воспринималась в России как учение совершенно чуждое. В

отрицании теософии дружно сходились такие умы, как С. Булгаков, Н. Бердяев, Э. Метнер и (хотя и в меньшей степени) В. И. Иванов.

Первый период переписки между Э. Метнером и В. И. Ивановым заканчивается в 1913 году.

9 августа 1913 года Э. Метнер послал В. И. Иванову из Пильница открытку такого содержания: «Дорогой Вячеслав Иванович! Надеюсь в весьма ближайшем будущем получить Вашу статью для Тр[удов] и дн[ей]. Двойной I номер 1913 года вышел без Вас и без Бугаева. Простите, что умолкаю: очень спешу — масса дел! Любящий Э. Метнер».

Умолкнуть ему суждено было на двенадцать лет. В 1914 году Э. Метнер выехал в Вену (по-видимому, чтобы лечиться у Фрейда), оттуда он переехал в Германию, где его и застала война. Как русский подданный, он был интернирован, но вскоре ему удалось перебраться в нейтральную Швейцарию, в Цюрих, где он встретился и познакомился с К. Г. Юнгом, у которого сначала лечился, потом ассистировал ему, а потом — в возрожденном «Мусагете» — издавал его сочинения в русских переводах. Здесь в 1925 году и нашло его письмо Вяч. Иванова.

Второй период их переписки не требует, по-видимому, особого комментария. Стоит, пожалуй, привести лишь свидетельство дочери В. И. Иванова о состоявшейся встрече «старинных друзей». Вот что она пишет: «С Метнером, после дореволюционных литературных и личных связей, дружба возобновилась письменно в 1925 г. Когда Метнер, живущий в Цюрихе, узнал о присутствии Вячеслава в Швейцарии, он приехал в Давос. День прошел в бесконечных, оживленных разговорах. Главной темой их был философ и психоаналист Юнг. Э. К. был его близким другом и подчас ассистентом. А до этого его пациентом. Метнер рассказал нам про свою тяжелую психосоматическую болезнь, которая с годами ухудшалась. Одним из ее симптомов были припадки — мучительный шум в ушах и дикие головные боли, — которые наступали, как только Э. К. слышал какие-то музыкальные звуки. А до появления болезни он только музыкой и жил. Близкие считали, что такого рода заболевание, явно на психической почве, произошло из-за сложных отношений между Э. К. и его братом, горячо им любимым, — композитором Николаем Метнером. Во имя любви к брату и желания всецело служить его музыкальному призванию, Э. К. отказался от им самим страстно любимой музыки. Брату, после сложной и великодушной борьбы, он уступил любимую женщину, ставшую женой Николая. Вот

те душевные переживания, которые породили его тяжелый недуг.

В Цюрихе, уже в зрелых годах и совсем обессиленный, он пошел к доктору Юнгу и был им вылечен. Все болезненные признаки прошли, он стал нормальным человеком и даже с благословения самого Юнга начал принимать больных и сам их лечить психоанализом. Чтобы спокойно посидеть в кафе, мы с Эмилием Карловичем и Вячеславом поднялись часов в пять в знаменитый отель, стоящий очень высоко над Давосом. <...> В зале играл маленький инструментальный ансамбль. Мы испугались за Эмилия Карловича, но он заверил нас, что музыка на него больше абсолютно никак не действует:

— Результат лечения Юнга, — сказал он.

Беседа велась нормальная и оживленная, и Эмилий Карлович уехал обратно в Цюрих, сильно усилив у Вячеслава интерес к Юнгу. Он следил за его трудами, но личного знакомства между ними не произошло, несмотря на то, что Вячеслава многократно, но тщетно приглашали на собрания «Eranos» в Асконе, где царил Юнг. Добавлю, что на меня лично образ Метнера произвел крайне угнетающее впечатление; он мне представился как бы человеком, отчасти уже мертвым, который еще ходит и действует нормально. В результате лечения что-то в его душе (музыка?) было убито. Что-то очень существенное. Душа уже не вполне живая, искалечена, ампутирована. Этого добился Юнг своим психоанализом?.. Но какая же плата!»²³

После этой встречи Э. Метнер и В. И. Иванов больше, по-видимому, не встречались. А переписка между ними продолжалась, Э. Метнер успел поздравить «Вячеслава» с 70-летием, а вскоре, в ночь с 10 на 11 июля 1936 года, умер в Дрездене в больнице для нервнобольных. При его кончине присутствовали его старые русские друзья — Ф. А. Степун и его жена. Их присутствие, их родная русская речь скрасили последние часы его жизни.

Земная жизнь В. И. Иванова подошла к концу через тринадцать лет. Он не успел дописать свой последний труд — «Повесть о Светомире Царевиче», где в форме мифа пытался осмыслить историю России, человечества и свою собственную жизнь. Неизвестно, какими были последние слова и последние мысли этого гениального человека. Но, наверное, среди прочих мелькнула ему и такая: «Я люблю тебя, о Вечность!»

²³ Лидия Иванова, Воспоминания. Книга об отце, с. 217—218.

Одна из особенностей этой переписки, которая может ускользнуть от читателя, — полное отсутствие в ней политики. 1911 год: увольнение большого числа профессоров Московского университета, убийство Столыпина... Ни слова. Затем: большевики, фашисты, дуче, фюрер... Также ни слова. Небожители, пребывая в Вечности, вкушают нектар Бессмертия. По этому поводу можно многое написать и «за» и «против». Не забудем, однако, что сквозь эту Вечность проступает и реальное земное время, полное ужасов и страданий... Незримый хронологический центр этой переписки: 1917 год. Россия, «дом, где разбиваются сердца».

Переписка публикуется полностью (за исключением двух коротеньких открыток, одна из которых почти целиком приведена в тексте вступительной статьи) по оригиналам, хранящимся в ОР РГБ (Ф. 109. К. 29. Ед. хр. 97 и Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 10).

1

Э. К. МЕТНЕР — В. И. ИВАНОВУ

Дорогой Вячеслав Иванович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой дать нам маленькую статью об «Орфее» для проспекта¹. Моя статья о «Мусагете» и статья Гессена о «Логосе» готовы². Затем, если Вам не понравятся прилагаемые при сем заметки о Ваших книгах Бугаева, то не напишете ли Вы сами; эти заметки будут тоже напечатаны в проспекте, но уже без подписи, так что Вы можете, если не хотите писать сами, исправить по Вашему усмотрению бугаевские³. Означенное мы ждем от Вас в самом ближайшем времени.

Но, кроме того, приятно было бы получить от Вас лекцию Толстой и Сократ; мы выпустили бы ее немедленно брошюрою⁴.

Я не успел еще раз заехать к Вам потому, что мы возвратились в Москву днем раньше из-за отказа моего брата участвовать в симфоническом концерте⁵. Радуюсь нашему скорому свиданию в Москве.

Искренно преданный Вам

Э. Метнер.

Ховрино 11/I 911.

¹ Заметка В. И. Иванова «Орфей» была опубликована в журнале «Труды и дни», 1912, № 1, с. 60—63. См. также В. И. Иванов, Собр. соч., т. III, Брюссель, 1979, с. 704—706.

² Имеется в виду статья Э. Метнера «Мусагет». Вступительное слово редактора («Труды и дни», 1912, № 1, с. 53—60) и заметка С. И. Гессена «Издания «Логос», помещенная без подписи в «Каталоге издательства «Мусагет» (там же, с. 22—24 второй пагинации).

³ В «Каталоге...» были объявлены две книги В. И. Иванова: «Эллинская религия страдающего Бога. Опыт религиозно-исторической характеристики» (Печатается) и «Ли́ра Нова́лиса. В переложении Вячеслава Иванова» (Готовится). Первая из этих книг не сопровождалась никакой «заметкой», ко второй была приложена цитата из Людвига Тика о Новалисе. Подробнее об этих неосуществленных замыслах В. И. Иванова см.: о «Лире Новалиса» — В. И в а н о в, Собр. соч., т. IV, Брюссель, 1987, с. 724—729; об «Эллинской религии страдающего Бога» — «Литературное наследство», 1976, т. 85. «Валерий Брюсов», с. 435, 474, 475.

⁴ Намерение издать лекцию В. И. Иванова отдельной брошюрой не было осуществлено. Статья «Лев Толстой и культура» была опубликована в журнале «Логос», 1911, кн. 1; нем. перевод (выполненный Ф. Степуном) опубликован в немецком параллельном издании — «Logos. Zeitschrift für Philosophie der Kultur», Bd. II (1911—1912), Heft. 2. Впоследствии статья вошла в сб. статей В. И. Иванова «Борозды и Межи. Опыты эстетические и критические» (М., 1916, с. 73—93).

⁵ Отказ Н. К. Метнера от участия в концерте связан, по-видимому, с нашумевшим в свое время инцидентом «Метнер—Менгельберг». В декабре 1910 года Н. К. Метнер и голландский дирижер В. Й. Менгельберг (1871—1951) должны были исполнять в Петербурге на симфоническом вечере Кусевицкого Четвертый концерт Бетховена; во время одной из репетиций они поссорились, причем Менгельберг заявил, что Метнер «ничего не смыслит в Бетховене». Метнер от участия в концерте категорически отказался и обратился с «Открытым письмом» к музыкальной общественности, в котором, в частности, писал: «В моем лице было нанесено оскорбление... русскому артисту со стороны заезжего иностранца» («Музыка», 1910, № 3, с. 72). Этот инцидент получил довольно громкий резонанс в печати.

2

Э. К. МЕТНЕР — В. И. ИВАНОВУ

Ховрино 8/II 911.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Крайне сожалею, что, не оправившись еще от инфлуэнцы, не в состоянии приветствовать Вас завтра в Мусагете.

Рассчитываю, однако, что на заседание Р[елигиозно]-Ф[илософского] О[бществ]а мне все-таки удастся приехать¹

Надеюсь во всяком случае повидаться с Вами.

Преданный Вам

Э. Метнер.

¹ 10 февраля 1911 года В. И. Иванов на торжественном заседании московского Религиозно-философского общества, посвященном памяти В. С. Соловьева, прочитал доклад: «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания». Доклад был опубликован в сборнике из-

дательства «Путь» («Сборник первый. О Вл. Соловьеве», М., 1911); впоследствии вошел в состав сборника статей В. И. Иванова «Борозды и Межи» под названием «Религиозное дело Владимира Соловьева».

3

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ И А. БЕЛОМУ¹

3 февраля 1912.

Дорогие Эмиль Карлович и Борис Николаевич!

Щедро и доверчиво вы не однажды выражали и доказывали мне ваше желание идейного сближения и литературного сотрудничества, при основании «Трудов и дней»² вы почтили меня даже приглашением к сотрудничеству ближайшему. Я, с своей стороны, давно уже чувствую себя не прикосновенным только, но и принадлежащим к кружку «Мусагета», а для журнала твердо решил и уже начал работать. Во мне давно уже сложилась уверенность, что идейная общность между мною и вами вполне достаточна, чтобы это сотрудничество было по существу возможно и внутренне оправдано. Но я не скрывал от себя, конечно, что существуют между нами и серьезные расхождения. Как я идейно координирую себя с носителями других взглядов в коллективе «Мусагета» — я показал это на днях. Разумею свою статью об «Орфее»³, написанную по поручению Издательства от его имени. Я просил бы оценить мою осторожность в изображении каких бы то ни было заявлений, могущих показаться налагательными и обязывающими не участников из секции «Орфея» только, но и для членов всего издательства (с «Логосом» включительно⁴). Не мне судить, достиг ли я этой цели; но моих стараний к ней приблизиться едва ли возможно не усмотреть в написанных мною, весьма сдержанных и нейтральных строках. Конечно, я позволил бы себе говорить иначе, если бы статья предназначалась к помещению в журнале как мое личное рассуждение, если бы она не имела характера составленного одним из сотрудников разъяснения «от издательства»... Но соответственного внимания к своей идейной платформе я считаю себя вправе ожидать и от Издательства и его журнала. Да не покажется вам, дружески меня знающим, неблагодарностью с моей стороны или странною притязательностью мое неумение и нежелание *faire bonne mine au mauvais jeu*⁵ Есть внешние знаки и символы, которые в идейной борьбе получают значение полковых значков и знамен. Со времени полемик Андрея Белого, о которых и я и он забыли, установились

навыки специфического обращения с некоторыми из таких лозунгов. Из его прежних писаний достаточно известно, что ему не по сердцу, например, лозунги: «Дионис», «мистика», «realіoga»⁶, «Достоевский». Я говорю не о содержании понятий, в достаточной мере мне выяснившемся, а о самых словах, как символах; самые эти слова имеют для меня значение религиозное. Простодушному же читателю импрессионистически живо, хотя крайне сложно, напоминать «теоретика дионисизма»⁷ с его «орхестрами»⁸ и прочими смехотворными чудачествами, вроде пресловутого «мистического анархизма»⁹ (кстати, также термин, насмешку над которым я желаю и намерен считать за враждебную выходку, направленную и против меня).

Итак, насмешливая игра с этими словами или своеобразное их употребление, вызывающее иллюзию бесцеремонного топтания этически чистых путей, мною заботливо ограждавшихся, — на страницах журнала, где значусь я «ближайшим сотрудником», — несовместимо ни с моим достоинством, ни с моими убеждениями. Между тем в корректурах № 1 уже нахожу целую антологию заявлений, придающих мне, в глазах читателя, вид отрекшегося от своих знамен, сдавшего на капитуляцию и сражающегося отныне в прежде враждебных рядах воина. В статьях Эмилия Карловича утверждается, что под знаком Диониса выступало беспочвенное эстетство, мне столь враждебное¹⁰. Там же провозглашается «аполлинизм» как односторонний лозунг «Мусагета», тогда как — и это намечено между прочим в статье А. Белого об Орфее — лозунг «Мусагета» не иной, чем дельфийский: «двуединство, нераздельность и неслиянность Диониса и Аполлона»¹¹, а если не так — то «Мусагет» не Мусагет, а петербургский «Аполлон». Там же имя «Достоевский» (должно быть, с легкой руки А. Белого повелось такое культурное кощунство) употребляется в пренебрежительном множественном числе наряду с Бальмонтом: «Достоевские и Бальмонты»¹² (*horribile dictu, perquam barbarum*¹³). В статье Orphis'a¹⁴ говорится весьма иронически, что о «realіoga» слышали, откуда меньше всего этого ожидали (очевидно, Orphis начитан больше в полемике Бори¹⁵, чем в моих мирных и бледных писаниях); развязно берется автор наставлять меня о realіoga, не справившись, что я именно разумею под таковым. В статьях А. Белого слово «мистика»¹⁶ употребляется в значении, понятном лишь ему да Ф. А. Степуну¹⁷, а между тем критика ведется с блеском и треском против мистики вообще, а не того, что понимает под мистикой, напр., Федор Августович или еще

какой уединенный неокантианец, любящий нырять для развлечения от гносеологии в «творческий хаос».

По существу, со всеми, быть может, названными авторами я согласен или почти согласен; но иллюзия рампы производит странный эффект, будто град пинков и гнилых яблок, с красноречивыми подмигиваниями, сыплется на ближайшего сотрудника, Теоретика Дионисизма. Почтительнейше заявляю, что все это мне не нравится.

В заключение, один принципиальный пункт. Поелику вводная статья о «Мусагете» имеет основоположительное и связующее совести значение для всех, выступающих под знаменем «Мусагет», протестую от себя и несомненно нескольких единомыслящих против самовольных распоряжений по части религии. Это мнение, что религия — часть культуры, могло бы быть с успехом и без всякого соблазна развито в частной статье, но в передовой вводной оно, противореча моим религиозным убеждениям, не позволяет мне участвовать в журнале. А именно: религия, не как внутренний свет только, но как таинство, — внекультурна. Соподчинять таинства явлениям культуры значит отрицать религию¹⁸ (ибо слово «религия» не может быть отнесено только к иррациональному субстрату всякой культуры). Во всяком случае для меня это основоположение, будто бы общемусагетское, все равно что сарацинское «Магомед расул Аллаха» для крестоносца.

Засим обнимаю обоих.

Любящий

Вяч. Иванов.

¹ Двойной адресат этого письма представляется своего рода парадоксом. Дело в том, что один из его адресатов — Андрей Белый — в это самое время жил на «башне» у В. И. Иванова.

В «Материале к биографии» А. Белого за 1912 год зафиксировано: «Январь. <...> с Асей (А. А. Тургеневой. — В. С.) попадаем в конце месяца в Петербург; и поселяемся у В. Иванова — на «Башне». Февраль. Весь проведен у В. Иванова <...>» («Минувшее. Исторический альманах», 6, М., 1992, с. 345).

Пребывание А. Белого на «башне» у В. И. Иванова не было тайной и для Э. Метнера. 30 января 1912 года А. Белый отправил ему письмо, в котором, в частности, писал: «Живем с Асей на башне. Вячеслав Иванов великолепен, лучезарен и более крепок и наш, чем даже в первый период. Он тихо и медленно эволюционирует к нам, нам и нам» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 390). Далее в письме сообщается о конкретных намерениях В. И. Иванова принять участие в журнале. Письмо подписано: «Башня. Час неопределенный. Ни день ни ночь» (там же, с. 391).

Итак, письмо, адресованное Андрею Белому, написано... чуть ли не в присутствии Андрея Белого!

Решение этого «эпистолярного парадокса» может быть найдено, если

сравнить письмо В. И. Иванова с содержанием письма А. Белого к Э. Метнеру (датированного публикаторами «серединой февраля 1912 г.»). «Скажу прямо, — писал А. Белый: — когда В. И. Иванов прочел номер первый [«Трудов и дней»], то он очень похвалил его, но поставил вопрос ребром. «Вы — о культуре: культура... но, культура для нас есть символизм, т[о]е[сть] искомое мировоззрение, в чем все три мы (Вы, Я, Он) согласны (символизм для него и для меня). Ну так почему о символизме, в более прямом определении, — ни слова?» (там же, с. 394.)

Очевидно, что недовольство обоих ведущих теоретиков символизма первым номером символистского журнала имело под собой разные основания. Основания эти во многом носили личный характер, и поэтому они оба стремились, каждый по-своему, придать им больше объективности. Для А. Белого в этот момент главными противниками были философы-неокантианцы, «засевшие» в «Мусагете» со своим журналом «Логос» и стремившиеся к участию и в «Трудах и днях». Ссылка А. Белого на мнение В. И. Иванова, что в журнале якобы «о символизме — ни слова», должна была, таким образом, увеличить объективность его собственного мнения о «неокантианском засилье» в «Мусагете».

В свою очередь, В. И. Иванов был, по-видимому, сильно озабочен судьбой своего «имиджа» главного теоретика («мистагога») символизма, а для этого ему было необходимо резко отмежеваться от позиции А. Белого. Именно поэтому он и адресовал свое письмо Метнеру и А. Белому с тем расчетом, чтобы Э. Метнер не подумал, будто в письме выражается общая точка зрения В. Иванова и А. Белого. Были тому и формальные причины: А. Белый официально числился «соредактором» Метнера. Таким образом, двойной адресат придавал, видимо, в глазах В. И. Иванова его письму более объективный и более официальный характер.

² Журнал издательства «Мусагет» «Труды и дни» был задуман сначала как «двухмесячник»; в 1912 году вышло пять номеров (№ 1—6; № 4—5 — спаренный), в 1913 году вышел один номер («Тетрадь первая и вторая»). С 1914 года журнал издавался под названием «Труды и дни издательства «Мусагет»; вышли «тетрадь седьмая» в 1914 году и «тетрадь восьмая» в 1916-м. На этом выпуске издание прекратилось.

³ См. прим. 1 к письму 1. Статья В. И. Иванова была опубликована не от имени редакции, а за подписью автора.

⁴ «Логос» — международный журнал по философии культуры, издававшийся в Германии и России. В России выходил под маркой издательства «Мусагет». Подробнее см.: М. В. Безродный, Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы). — «Лица. Биографический альманах», 1, М.—СПб., 1992, с. 372—407. См. также публикацию писем Ф. А. Степуна и С. И. Гессена в «Вестнике Российской Академии Наук», 1993, № 3 и 6.

⁵ Делать хорошую мину при плохой игре (франц.).

⁶ Реальнейшее (лат.). Лозунг «реалистического символизма» В. И. Иванова: *a realibus ad realiora* (от реального к реальнейшему), который он выдвигал в ряде своих статей, написанных в 1906—1912 годах. См.: В. И. Иванов, Собр. соч., т. II, с. 553, 561, 611.

⁷ Репутацией «теоретика дионисизма» В. И. Иванов обязан своему исследованию «Эллинская религия страдающего Бога» («Новый путь», 1904, № 1—3, 5, 8, 9; окончание под названием «Религия Диониса» — «Вопросы жизни», 1905, № 6, 7) и ряду статей, опубликованных в периодической печати и составивших впоследствии его книгу «По звездам» (СПб., 1909). «Дионис», «мэнада», «вакханки», «тирсоносцы» и т. п. — постоянные персонажи поэзии В. И. Иванова. В кругу друзей его иногда называли «Дионисом Ивановичем».

⁸ В статье «О веселом ремесле и умном веселии» В. И. Иванов писал:

«Страна покроется оркестрами и фимелами (фимела в древнегреческом театре — жертвенник между сценой и местами для зрителей, в позднюю эпоху — вообще театр, сцена. — В. С.), где будет плясать хоровод, где в действе трагедии или комедии, народного дифирамба или народной мистерии воскреснет истинное мифотворчество (ибо истинное мифотворчество — соборно), — где самая свобода найдет очаги своего безусловного, беспримесного, непосредственного самоутверждения (ибо хоры будут подлинным выражением и голосом народной воли). Тогда художник окажется впервые только художником, ремесленником веселого ремесла, — исполнитель творческих заказов общины, — рукою и устами знающей свою красоту толпы, вещим медиумом народа-художника» (В. И в а н о в, Собр. соч., т. III, с. 77).

Интересный комментарий этих строк В. И. Иванова, обогащенный опытом сталинских «оркестр и фимел», дает Н. Я. Мандельштам в своей «Второй книге» (М., 1990, с. 327—333; глава «Оркестры и фимелы»).

⁹ В 1906 году Г. И. Чулков выпустил книгу «О мистическом анархизме», предисловие к которой написал В. И. Иванов (его статью «Идея неприятия мира» см.: В. И в а н о в, Собр. соч., т. III, с. 79—90; подробный комментарий об отношении В. И. Иванова к идеям «мистического анархизма» — там же, с. 707—733). В одном из писем к В. Я. Брюсову (от 3 июня 1906 г.) В. И. Иванов писал: «... «мистический анархизм» — символизм, пронизанный лучом соборности» (там же, с. 721).

¹⁰ В статье «Мусагет» (Вступительное слово редактора) Э. К. Метнер писал: «Период «бури и натиска» новых творческих исканий художественного слова прошел с лозунгом «искусство для искусства» и под односторонним знаком Диониса (который, расставаясь с Аполлоном, становится по необходимости «сомнительным и лживым идеалом»). Не доработавшись до своего общего всезаключающего стиля, способного наложить особый отпечаток на переживаемую эпоху, новое течение скоро вошло в узкие берега красивого, но бездушного эстетства» («Труды и дни», 1912, № 1, с. 54).

¹¹ Со статьями «Орфей» в первом выпуске «Трудов и дней» выступили В. И. Иванов и А. Белый. Ссылаясь на А. Белого, В. И. Иванов фактически цитирует самого себя. «Мусагет, — писал он в своей статье «Орфей», — «водитель Муз». Вокруг лучезарного лирика движется согласный хоровод богинь — дочерей Памяти. Как планетные души окрест солнца, движась, творят они гармонию сфер. Кто был, для эллинов, божественный вождь хора? Одни говорили: «Аполлон»; другие: «Дионис». Третьи — младшие сыны древней Эллады — утверждали мистическое единство обоих. «Их двое, но они — одно», говорили эти: «нераздельны и неслиянны оба лица дельфийского бога» (там же, с. 62—63).

Ср. с тем, что писал А. Белый в своем «Орфее»: «Орфей <...> являлся воплощением бога Диониса. Поскольку просветленные вершины стихии Диониса произвольно сливались со стихией самого христианства, постольку Орфей является для нас символом самого Христа.

<...> «О р ф е й» обращается к «М у с а г е т у». «О р ф е й» для этой задачи протягивает к нему свою лиру» (там же, с. 66, 68).

¹² В статьях, опубликованных в первом номере «Трудов и дней», выражение «Достоевские и Бальмонты» не встречается. Возможно, оно было снято после протеста, заявленного В. И. Ивановым.

В статье А. Белого «О символизме» имеется фраза: «Вот поэзия горного восхождения — этих жалких Ибсенов, Данте, Гете и Ницше, которых не терпит праздно свободу свою отстаивающий современный эстет». Чуть ниже упомянуты «Верхарны и Брюсовы» (там же, с. 22).

¹³ Ужасно произнести, такое варварство! (лат.).

¹⁴ Псевдоним философа и публициста Алексея Константиновича Топоркова (1882—?). В первом номере «Трудов и дней» была опубликована его статья «Идея». По-видимому, те места в статье Топоркова, которые задел В. И. Иванова, были смягчены, так как в окончательном ее варианте они выглядят вполне безобидно. Вот они: «<...> еще так недавно прозвучал призыв: *realiora*! Он исходил от одного из видных теоретиков символизма. Но вещи, конечно, не истина <...> Признание духа приближает нас к Идее. На этой точке зрения признают реальность собственно-го духа, реальность чужого духа, целую лестницу, «божественную иерархию» духов, которая ведет к трону Всевышнего — *ens realissimum*. (Вот что в конце концов значит *realiora*!) И это тоже правильно» («Труды и дни», 1912, № 1, с. 74, 75).

¹⁵ Имеются в виду полемические выступления А. Белого против В. И. Иванова в 1907—1908 годах: статьи «Штемпелеванная калоша» («Весы», 1907, № 5), «*Realiora*» («Весы», 1908, № 5), «Символизм и русское искусство» («Весы», 1908, № 10). На две последние статьи В. И. Иванов ответил статьями «Б. Бугаев и *Realiora*» («Весы», 1908, № 7) и «Эстетика и исповедание» («Весы», 1908, № 11). В. И. Иванов болезненнее всего воспринял намек, содержащийся в «Штемпелеванной калоше», на треугольный знак организованного им издательства «Оры». Подробнее см.: А. Б е л ы й, Начало века, с. 349—350. В полемике на стороне В. И. Иванова принял также участие С. Городецкий, опубликовавший статью «Идолотворчество» («Золотое руно», 1909, № 1).

¹⁶ Вероятнее всего, речь идет о статье А. Белого «Нечто о мистике», напечатанной во втором номере «Трудов и дней» (с. 46—52).

¹⁷ Федор Августович С т е п у н (1884—1965) — философ-неокантианец, один из редакторов и основателей журнала «Логос».

¹⁸ Это мнение высказано в статье Э. Метнера «Мусагет» (Вступительное слово редактора) («Труды и дни», 1912, № 1, с. 55 и сл.).

4

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

11 февраля 1912.

Дорогой Эмилий Карлович,

Если бы Вы приехали в Петербург и остановились на башне, я был бы счастлив! Счастлив видеть Вас, быть с Вами в семейной среде, переговорить о бесконечно многом, о чем можно говорить только с глазу на глаз, — и, быть может, при Вашем участии выбраться из целых дебрей проблем теоретических и практических, представших моему и Борину сознанию... И, сверх всего, возникли важнейшие предположения, серьезнейшие планы, касающиеся нас всех, совокупно и раздельно; обсуждение этих планов, действительно необходимое, возможно лишь в беседах с Вами. Так нужно Ваше присутствие, что я сам поехал бы немедленно для этого в Москву, но фактически не имею к тому ни малейшей возможности, будучи прикован многоразличными причинами к месту. Знаю, что поездка представляет для

Вас большие трудности; но цель ее столь серьезна, что лелею надежду убедить Вас сделать все возможное для их преодоления¹.

Дружески и сердечно Ваш
глубоко Вас уважающий

Вяч. Иванов.

¹ Поездка Э. К. Метнера в Петербург состоялась. О его приезде на «башню» к В. И. Иванову неоднократно упоминает в своих мемуарах А. Белый. Сам А. Белый приехал к В. И. Иванову в связи с попытками опубликовать свой роман «Петербург».

По-видимому, об этом приезде Метнера упоминает А. Белый, описывая свою жизнь на «башне», а также ее быт и обитателей: «Быт выступа пятиэтажного дома, иль «башни», — единственный, неповторимый; жильцы притекали; ломались стены; квартира, глотая соседние, стала тремя, представляя сплетенье причудливейших коридориков, комнат, бездверых передних; квадратные комнаты, ромбы и секторы; коврики шаг заглушали; пропер книжных полок меж серо-бурявых коврищ, статуэток, качающихся этажерочек; эта — музеек; та — точно сарайще; войдешь, — забудешь, в какой ты стране, в каком времени; все закосится; и день будет ночью, ночь — днем; даже «среды» Иванова были уже четвергами: они начинались позднее 12 ночи... Хозяин «становища»... являлся к обеду: до — кутался пледом; с обвернутою головой утопал в корректурах на низком, постельном диване, работая не одеваясь, отхлебывая черный чай, подаваемый прямо в постель: часа в три; до — не мог он проснуться, ложась часов в восемь утра, заставляя гостей с ним проделывать то же; к семи с половиною вечера утренний, розовый, свежий, как роза, умытый, одетый, являлся: обедать; проведенный со мною на «башне» два дня Э. К. Метнер на третий сбежал; я такую выдержал жизнь пять недель...» (А. Белый, Начало века, с. 353—354).

Письмо С. И. Гессена к Э. К. Метнеру от 16 февраля 1912 года позволяет уточнить дату приезда Метнера в Петербург. 22 февраля (ОР РГБ. Ф. 167 К. 14. Л. 21).

5

В. И. ИВАНОВ Э. К. МЕТНЕРУ

29.III.1912

Дорогой Эмилий Карлович,

Конфликт, конечно, не желателен, но и неизбежен, если Вы не уладите его дипломатически! Я предложил бы, прежде всего, выяснить Валерию следующий факт.

«Труды и дни», в их настоящем виде и составе, зиждутся на соблюдении некоторых статутах. Один из таковых составляет правило строгой дисциплины в полемике. Допускаются лишь полемике по существу, и притом академические по приемам; квалификации, могущие быть относимыми к личности противника, принципиально не допуска-

ются и неукоснительно устраняются; тон полемик должен быть безусловно согласен с уставами вежливости; споры возможны лишь в формах, предполагающих взаимное уважение спорящих в светском смысле.

Я полагаю, что Валерий захочет это решение не только понять, но и одобрить. Достохвальная практика редакции «Аполлона» раз навсегда* положила конец дурному тону препирательства, принесшему так много вреда нашей литературной группе, так ее компрометировавшему. «Neue Zeiten, neue Lieder...»² («Труды и дни» — прибавлю в скобках — не лупанарий, чтобы писать на его стенах obscena³: это не об афоризмах В. Брюсова, сравнительно невинных, но наперед — о возможных эк[с]цессах каждого из нас и с точки зрения символиста, видящего *realiora in realibus*⁴).

Итак, Брюсов или сам откажется от своих полемических изречений, или видоизменит их форму так, что они, ничего не утрачивая из его диалектики, усовершенствуют свой *éthos*⁵ и квалификаций мысли и мыслительной способности, а также моральной личности противников содержать не будут. Ибо не то важно, что цитата из Фауста опровергает Чулкова, а важно умозаключение о глупости или невежественности или еще каком зазорном качестве последнего. Полемизировать нужно так, чтобы можно было представить себе эту полемику происходящую в обществе джентльменов, без малейшего нарушения *du point d'honneur*⁶ присутствующего противника.

За отпор Брюсову-теоретику, и причем теоретику-полемисту, нет никакого основания обижаться Брюсову-поэту или Брюсову — уважаемому всеми нами товарищу. Это уважение и признание настолько искренни, что не остается места подозрениям во враждебном чувстве к его личности. Но с его разномыслием мы будем разномысленны, а его непоследовательности принуждены рассматривать как перемену фронта.

Дорогой Эмилий Карлович, мне весьма досадно и в то же время стыдно перед Кузминым за необъяснимую ампутацию, которой подверглась — и к моему лично ущербу — его статья...⁷ К тому же ему не выслан журнал, и он чувствует себя — не обиженным, а униженным. Sic!

Спешу кончать «Литературные беседы» для № 2. Вышлю к Фоминой. Если задерживаю, отложите до № 3. Со-

* Припоминая промахи, — останавлиюсь разве на «ружейном дуле», немного неприличном.

держание: «Манера, лицо и стиль, — Критерий мусического совершенства».

Потом буду говорить о «Ночных часах», о «Зеркале теней», которое должен хвалить за большее чем содержание, о Ремизове, о Клюеве, о Зенкевиче и т. д.⁸.

Обнимаю Вас. Христос воскрес.

Любящий Вас Вяч. Иванов.

Р. S. Первая книжечка доставила мне большую радость. Ее существование важно само по себе. В целом — все хорошо. Единственный «недостаток» (?) — серьезность. Ее нельзя читать без большой вдумчивости. Горе от ума. Таково впечатление легкомысленных петербуржцев. Я подумал это первый; потом слышал то же от других и притом серьезных людей, как Недоброво⁹. Но, кажется, она импонирует всем. Ко мне приезжал [...] ¹⁰, и я рад был услышать, что ему прислали. Вспомните и Зелинского¹¹. Жалуюсь еще на то, что шрифт мелок. В. И.

¹ Подробности этого конфликта неизвестны. Из содержания письма можно предположить, что речь идет о желании Брюсова опубликовать в «Трудах и днях» свою полемическую статью (скорее всего против Г. И. Чулкова, теоретика «мистического анархизма»). Брюсов, по-видимому, не «выяснил факт», как предлагал В. И. Иванов, так как его публикация в журнале не состоялась.

² Новое время, новые песни (нем.).

³ Непристойности (лат.).

⁴ Реальнейшее в реальном (лат.).

⁵ Нрав, характер, образ мыслей (греч.).

⁶ Дело чести (франц.).

⁷ Имеется в виду статья М. А. Кузмина «Cor ardens» Вячеслава Иванова» («Труды и дни», 1912, № 1, с. 49—51).

⁸ Обещанная В. И. Ивановым статья «Манера, лицо и стиль» не появилась ни во втором, ни в третьем номере «Трудов и дней», а лишь — в № 4—5. Там же была опубликована его статья «Marginalia», в которой содержится критический разбор книги Э. К. Метнера (Вольфинга) «Модернизм и музыка», «Дикой порфиры» М. Зенкевича и «Осеннего сна» Е. Гуро. О Ремизове и Клюеве В. И. Иванов не писал.

⁹ Николай Владимирович Н е д о б р о в о (1882—1919) — поэт и литературный критик, один из авторов «Трудов и дней».

¹⁰ Фамилия написана неразборчиво: похоже на «Брюсов» или «Браун».

¹¹ Фаддей Францевич З е л и н с к и й (1859—1944) — филолог-классик, проф. Петербургского университета, близкий друг В. И. Иванова.

Э. К. МЕТНЕР — В. И. ИВАНОВУ

Pillnitz 1/VI 912.

Дорогой Вячеслав Иванович!

Ваше письмо я мог только взять с собой в дорогу, т[ак] к[ак] отвечать тут же из Москвы не было времени. Мучимый бессонницей и имея ряд других поводов навестить Германию, я удрал на май месяц за границу; был в Веймаре на годовичном собрании Goethe Gesellschaft¹, видел Urfaust'a² на сцене, все продолжая не спать, и только теперь «очухался» в Пиллнице³, откуда поеду в Берлин для окончательного решения проблемы «Эллис»⁴, а м[ожет] б[ыть], и для разговора с Бугаевым, если он соблаговолит приехать на несколько дней в Берлин...⁵ Вы себе представить не можете, «что за комиссия» иметь сотоварищами таких двух путаников и химеристов, как Бугаев и Эллис, и что за оскорбления (наряду с и преувеличенными высказываниями) приходится мне выслушивать.

С Бугаевым еще труднее, чем с Эллисом, ибо он органически не выносит никаких указаний, советов, никакой критики. Если бы я Вам показал всю нашу переписку-перебранку (кстати, и за прошлое лето), Вы убедились бы, что за двумя-тремя (признаваемыми мною) придирками в мелочах (я становлюсь педантом, когда плохо себя чувствую) — во всем остальном вся вина падает на Бугаева. Если эти его письма ко мне будут впоследствии опубликованы, то я предстану в них как выскочка, деспот, капрал, заставляющий аристократов духа маршировать по команде, как прижимала⁶, как неряшливый хозяин, попавший под власть жуликоватого приказчика⁷, как сыщик, сплетник, а главное как архихимерист; это я — единственный трезвый человек изо всей арбатско-мусагетской компании, если не считать слишком трезвого Киселева...⁸

Бугаев поклонился Штейнеру, и теперь мой деспотизм будет еще более проклиняться.

То, что Вы пишете по поводу эмоций — страшно верно⁹. Этой норме о науках я следую и в своей переписке с Бугаевым. Получив от него ужаснейшее письмо, я, ознакомившись вкратце с содержанием последнего, отложил его в сторону и сосредоточил свою мысль на положительном моменте нашей дружбы, результатом чего явилась небольшая заметка о юбилее симфонии II, кот[орую] Вы прочтете или прочли уже в Тр[удах] и Днях...¹⁰ Только через два дня я

снова взял письмо Бугаева и ответил ему сухо, но спокойно по пунктам, за что получил титул «черствого и бессердечно-го человека»*.

Брюсов вполне успокоился и примирился, чем я очень доволен, ибо вовсе потерять его не хотел бы. Статья Кузмина обсуждалась Бугаевым и Ахрамовичем; одна из черт Бугаева это сначала соглашаться, а затем по возможности стойко револьтировать¹¹.

Заключение статьи Кузмина на всех произвело отрицательное впечатление; быть может, мысль и правильна, но надо ее доказать теоретически и показать ее правильность на примерах; если бы Кузмин на эту тему написал отдельную статью, то она могла бы (в случае своей доказательности) пройти даже без редакционной оговорки. В этом смысле я и написал ему извинительное письмо. Быть может, Вы побудите его в самом деле написать статью о сравнительном мастерстве новых русских поэтов. Я еще раз извиняюсь по поводу этого факта и напоминаю, что запрашивать об ампутации было уже поздно.

Эмоция и эволюция противны мне не по соображениям пуризма. Я так плохо пишу, что было бы комично выступать мне в роли инспектора русской речи в «Трудах и днях». Я беру назад все свои придирки — (статья Недоброво¹² появилась и с эмоцией, и с эволюцией) — и объясняю свою придиричливость полемическим пересолом под влиянием особых неприятных явлений музыкального модернизма и его апологии. Вот и все... Я боялся только, что мои противники усмотрят коренное принципиальное разногласие между Вольфингом¹³ и мнениями сотрудников журнала, коего редактором является Эм. Метнер; усмотрят одиночество позиции Вольфинга и усмотрят лишь от непривычки внимательно читать и от дурной привычки придираться к терминологическим жупелам; и вот поэтому-то придрался с терминологией я сам. Хотя, что касается эволюционизма, то Недоброво грешит не только терминологически, но и по существу. Но довольно об этом. Я уступаю. Инцидент исчерпан. И впредь едва ли подобное возникнет. А если бы я заметил, что не могу не капризничать, то я бы отказался от редакторства журнала, не прекращая последнего. «Мусагетить» петербуржцев — непосильная для Мусагета задача. Хотя, чтобы петербуржцы являлись (в противоположность москвичам) для редакции Трудов и дней Sacrosancti¹⁴, с

* Ясно, что консулами в римском смысле мы с Бугаевым быть не можем.

этим согласиться я не могу. Так против Скалдина¹⁵ — целый хор в Мусагете; поэтому я и отправил статью Бугаеву. Что касается меня, то я статьей восхищен в целом, но, говоря откровенно, не из-за *gruderie*¹⁶, а по чисто вкусовым артистическим побуждениям удалил бы из статьи о мужском семени и одно место о Деве Марии; Розанову все прощительно, но *quod licet*...¹⁷ Просто чувствуется талантливый и дерзкий молокосос, который только теоретизирует, а не вымучил себе право говорить на розановские темы... Если Бугаев не выразит протеста, то статья пойдет целиком. Если Вы ручались Скалдину, что статья пройдет без изменений, так это и будет вопреки протесту в Мусагете.

Гонорар я постараюсь с будущего года увеличить. Говоря о Дневнике поэтов¹⁸, я вовсе не имел в виду намека на то, что Вы хотели писать даром. Я понимаю, что Дневник и журнал несравнимы. Мне прямо стыдно, что Вы пока будете так мало получать из Трудов и дней. — — — Вот и все, кажется, о делах.

О себе сказать нечего; я сам себе наименее интересен, ибо внутренняя неудовлетворенность (болезнь «я») при отсутствии высокомерия так во мне велика, что надо делать невероятные усилия, чтобы жить... А умирать тоже не хочется; не потому, что страшно, а потому, что... досадно: другие будут жить и изживать свою жизнь в труде, в любимом труде, по котором[у] я так тоскую... Тут не помогает никакая философия; я сам знаю нелепость только что сказанного и теоретически исповедую совсем иное, гетевское, кантовское, экхартовское... А живу — в пассивном демонизме *Moir'ы*¹⁹. Боже мой? русские еры приставил к греческому корню; после этого безобразия²⁰ остается только проститься, обнять Вас, большой, милый, странный и в чем-то важном центрально близкий мне человек, и поставить точку.

Ваш Э. Метнер.

¹ Гетевское общество (нем.) — литературное общество, основанное в 1885 году с отделениями в Веймаре, Иене и Берлине, членом которого состоял Э. Метнер.

² «Прафауст» — первая редакция «Фауста», написанная Гете в 1773—1775 годах.

³ Э. Метнер любил бывать в Пильнице, который, как писал он в одном из писем к А. Белому, «как бы создан для отдыха и правильной работы» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 5. Ед. хр. 26).

⁴ Э л л и с — псевдоним Льва Львовича Кобылинского (1879—1947), поэта, переводчика и критика, близкого друга А. Белого. Расхождение Э. Метнера с Эллисом было обусловлено тем, что Эллис в это время увлекся теософскими идеями Р. Штейнера (увлекся, как всегда, «страстно», но ненадолго: это его увлечение вскоре сменилось резким неприятием

идей «Доктора»). О причинах своих разногласий с Эллисом Э. Метнер писал А. Белому в письме от 1 апреля 1911 года: «Что касается Эллиса, то окончательно выяснилось, что он никогда и не был в Мусагете, в сердце Мусагета: есть рабы и свободные, католики и протестанты, догматисты и критицисты, аристотелики и платоники, Спинозисты и Декартисты и т. д. и т. д.; в Мусагете могут быть только вторые или приближающиеся ко вторым; Эллис же удаляется от вторых и окончательно становится на сторону первых, обнаруживая при этом, что он раб, католик, догматик и т. д. не по эволюционному капризу сменяющихся воззрений, а по психологии своей; и в Марксе, и в Данте, и в Бодлере, и в Р. Вагнере (которого он лжеистолковывает), и в Штейнере он искал и ищет только Папу, которому надо поцеловать туфлю. Человек, который может утверждать с пеной у рта, что инквизиция была благодеянием, что инквизиторы были посвященные маги, знавшие, как надо спасать душу, уничтожая тело; человек, который только сегодня, пусть даже в пьяном виде или в истерике, мог произнести эти слова, безнадежен; я могу его любить, жалеть, могу пользоваться частично его трудом, но считать его внутренне своим не только в «последнем», но даже и в предпоследнем, невозможно, это кончено и навсегда» (ОР РГБ. Ф. 25. К. 20. Ед. хр. 7. Лл. 8—8 об.).

Позднее, 12/25 ноября 1911 года, Э. Метнер писал А. Белому из Пильница: «Была в Дрездене проездом Маргарита Васильевна [Сабашникова], и я провел с ней несколько часов. Она много рассказывала хорошего про Мусагет. Из ее слов, однако, я понял, что заседание относительно «проектов-проспектов» прошло не совсем благополучно и Эллис выскочил как угорелый, что Эллис не согласен с моей формулировкой нашей задачи и кричит: «Не надо культуры!» <...> Неужели Эллис до сих пор не понимает того — (скажите ему это: мне сейчас некогда ему писать), — что культура есть один из путей, что или надо ступить на этот путь и идти им, не оглядываясь на другие пути, или нужно отказаться от него вовсе. Интегрируя религию и культуру, мы возвышаем последнюю и не унижаем вовсе первой, ибо все равно несказанное религии, внутренний духовный опыт остается, так сказать, за сценой; тогда как, устраивая кашу из полурелигии-полукультуры (как это делает Штейнер и вообще теософия), мы унижаем религию и вносим хаос в культуру» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 5. Ед. хр. 26).

⁵ Судя по записям А. Белого в «Материале к биографии», относящимся к 1912 году, его встреча с Э. Метнером не состоялась (см.: «Минувшее», 6, с. 344—346).

⁶ Э. Метнер, несомненно, имеет в виду письмо к нему А. Белого от 9/22 апреля 1912 года, в котором, в частности, есть такие слова: «Вы просите меня быть строже: но, дорогой, авторы народ обидчивый: и приглашая в журнал *избранных*, аристократов духа <...> нужно помнить, что нельзя их заставить *маршировать* по команде. Я по крайней мере умею создать атмосферу согласия, стараюсь натолкнуть на мысль. Командовать и отдавать приказания считаю невозможным, как считаю невозможным для себя выслушивать *советы*, имеющие характер циркуляров правительства» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 397).

⁷ «Жуликоватый приказчик» — Александр Мелетьевич Кожебаткин (1884—1942), первый секретарь «Мусагета». Своими подозрениями о его «махинациях» делился с Э. Метнером и С. И. Гессен в письме от 20 июля 1912 года (см.: «Вестник Российской Академии Наук», 1993, № 6, с. 530—531).

⁸ Николай Петрович Киселев (1884—1965) — в 1913—1915 годах секретарь издательства «Мусагет».

⁹ В предыдущем письме В. И. Иванова нет упоминания об «эмоциях». Точно так же в следующем (ответном) его письме в разделе «О Пясте и

Мережковском» цитируются слова Э. Метнера, которых нет в этом письме. Вероятнее всего, друзья обменивались мнениями по поводу своих отметок на корректурах журнала «Труды и дни», которые Э. Метнер послал В. И. Иванову в Петербург.

В данном случае можно предположить, что В. И. Иванов писал «по поводу эмоций» приблизительно то же, что и в своей статье «Ты еси», которой заканчивается его книга «По звездам» (СПб., 1909):

«Переживания экстатического порядка суть переживания женственной части я, когда Психея в нас высвобождается из-под власти и опеки нашего сознательного мужеского начала, как бы погружающегося в самозабвение или умирающего, и блуждает в поисках своего Эроса, наподобие Мэнады, призывающей Диониса. Ибо эта женственная часть нашего сокровенного существа утверждает свою обособленную жизнь только при уташении внутреннего очага наших мужественных энергий, подобно тому, как Ева возникает во время сна Адамова. Духовный стимул, побуждающий ее к этому уташению, может иметь такую напряженность, что она самопроизвольно и насильственно нейтрализует влияние мужеского я и как бы жертвенно умерщвляет его, внутренне воспроизводя собою пластический тип Мэнады — жрицы и мужеубийцы.

Таковою представляется нам природа того «исступления» или «выхода из себя», которое в психологическом феномене являет снятие и упразднение граней личного сознания».

Сам же Э. Метнер в своей статье «Ответ эмоционально-эволюционной критике» писал:

«Что такое вообще эмоция?

Раздражение нервной системы путем психических потрясений или сильных стимулирующих средств! Термин выбран крайне неудачно; он взят из физиологии, из медицины (кажется, его еще пустил в ход медик Brown); он применен к искусству развенчивающими его психиатрами и психофизиологами и притом скорее к явлениям, сопровождающим восприятие раздражительного опиатического искусства, нежели к факторам последнего» («Труды и дни», 1912, № 2, с. 80).

Поэтому, считает Э. Метнер, «мнение, по которому «в основе музыки лежит прямой и непосредственный язык эмоций, волевых импульсов», должно быть отвергнуто, так как в основе ее, как и всякого искусства, лежат лишь, во-первых, его же элементы <...>, во-вторых, <...> общие законы творчества и художественности <...>. Что же касается эмоций, то они <...> являются жизненным материальным субстратом всякого действия человеческого и говорить об этом субстрате, как о факторе искусства <...> смешно <...>» (там же, с. 79—80).

¹⁰ Э. Метнер имеет в виду свою статью «Маленький юбилей одной «странной» книги» (1902—1912) («Труды и дни», 1912, № 2, с. 27—29).

¹¹ О Брюсове и о статье М. А. Кузмина см. соответственно прим. 1 и 7 к письму 5.

¹² Имеется в виду статья Н. В. Недоброво «Ритм, метр и их взаимоотношение» («Труды и дни», 1912, № 2, с. 14—23).

¹³ В о л ь ф и н г — псевдоним Э. К. Метнера.

¹⁴ Святая святых, священно-неприкосновенное (лат.).

¹⁵ Алексей Дмитриевич Скалдин (1885—1943) — поэт, писатель и литературный критик, один из посетителей «башни» В. И. Иванова и его ближайших друзей. Речь идет о статье А. Д. Скалдина «Затемненный лик», представляющей собой рецензию на вышедшую в 1911 году книгу В. В. Розанова «Темный лик» («Труды и дни», 1913, тетрадь 1 и 2, с. 89—110). Имя не замеченного при жизни и потом забытого писателя А. Д. Скалдина «теперь упоминается в связи с такими крупными авторами, как М. А. Булгаков, Анна Ахматова, А. А. Блок (см. «Минувшее», 10

М.—СПб., 1992, с. 121—141). В США переиздан роман А. Д. Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего» (Connecticut, 1989).

¹⁶ Показная добродетель (франц.).

¹⁷ Начало древнеримского изречения: *Quod licet Jovi, non licet bovi* — что дозволено Юпитеру, не дозволено быку (лат.).

¹⁸ Замысел «Дневника трех поэтов» (А. Блок, А. Белый, В. И. Иванов) принадлежит В. И. Иванову, который писал о нем Блоку в письме от 20 января 1911 года (см.: «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1982, № 2, с. 173—174). Из этого замысла, существенно искажившись, и родился журнал «Труды и дни» — «феномен скуки», по позднейшей и несправедливой оценке А. Белого. «Метнер, — писал он, — изнасиловал идею журнала, прицепив ее к налагателям «веи»; журнал этот — единственный в своем роде пример, как при наличии интересных сотрудников можно превратить и их лишь в писак: по обязанности» (А. Белый, Между двух революций, с. 343).

¹⁹ М о й р ы — в древнегреческой мифологии богини судьбы.

²⁰ Ср. с мнением А. Белого, высказанным в письме к Э. Метнеру от 17 июня 1911 года: «Я боюсь буквы Ы. Все дурные слова пишутся с этой буквы: р-ыба, <...>, м-ыло <...>, п-ыль <...>» (Андрей Белый, Петербург, Л., 1981, с. 647).

7

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

3 июля 1912.

Дорогой Эмилий Карлович, — так как ответ по пунктам был произнесен мною самому себе, то мне не удалось его немедленно изобразить на бумаге, и вот как он опоздал, — за что прошу Вас извинить меня дружески; с точки же зрения текущего дела, поистине все к лучшему... Нет ничего лучшего, уверяю Вас, чем паузы. Ведь об «эмоциях» я думаю, как Вы; итак, наилучший прием изображения «эмоций» — пауза. Будучи промежутком покоя и молчания, пауза оказывается, кстати, и методом преодоления этих беспокойных и назойливых маленьких демонов. Сказанное о письме относится и к моей статье, давно готовой¹. Вы могли бы ее получить одновременно с Вашим письмом. Но я отложил ее в сторону. Ибо не был уверен, что написал то, в чем не раскаюсь; мне необходимо было выждать периода большего спокойствия и объективизма во взгляде на затронутые темы. Теперь посылаю ее в соответствующей обстановке достигнутого мною спокойствия редакции. Кроме того, мне хотелось, чтобы № 2 вышел без моего участия; «во 2 № не пиши», шептал мне мой *Daimōn*². Время же все было поглощено экзаменами на курсах³ и крайне спешным приготовлением давно заказанного этюда о Гете, который был материалом для публичной лекции (1 мая, в Народн[ом] унив[ерситете] на тему: «Гете на рубеже двух столетий»⁴).

Приходилось, кроме того, принять участие в чествовании памяти Чурляниса, написать о нем; я его очень полюбил и сдружился с его трогательной и милой молодой вдовой...⁵

Все же *miex tard que jamais*⁶ — ответу на Ваше милое мне своею откровенностью и доверием письмо. Пишите, пожалуйста, и впредь, я буду аккуратнее, кроме разве случаев абсолютного согласия или совершенной неустроенности душевного отношения к переживаемому нами вместе мгновению. Благодарю также за корректуры № 2. «Инвективы» не было, а с *Mi-la* вообще согласен⁷. Статью Недоброво о ритме считаю превосходной⁸. Статья Белого о символизме не вполне мне по сердцу: она не очень внятно и отчетливо написана и содержит задиранья ненужные и глухие (о «глупостях (!) поэтов (?)», начинающих со здравия техники и т. д., об «умственных кастратах»)⁹. Лучше уж называть имена, чем наносить глухие обиды: все насторожены, каждый ищет отношения к себе, показывая на соседа, сами сочувствующие по существу соблазняются приемом внезапного нападения из-за угла — кинжальной вендеттой, вместо открытого боя*. «Ландшафт» Степуна мне нравится, и мне лично много дал¹⁰. Радуюсь статье Блока¹¹. Диалогами вовсе не восхищен...¹² Таковы впечатления. Обращаюсь, однако, к ответу.

О Брюсове¹³

Теперь Вы уже, наверное, с ним виделись и до чего-нибудь договорились. Я остаюсь при своем мнении: твердо проводить устав корректности в полемике и нарушений не допускать. С другой стороны, избегать глухих выпадов. Брюсову я не писал, потому что и не уполномочен говорить от «Трудов и дней» и могу поставить себя в ложное положение, не будучи господином положения.

О коллегах

Collegae (два консула в Риме) или разделяют *provinciae*¹⁴, или применяют один к другому *veto*. Это элементарно и вечно, как Рим.

О Кузмине

С ампутацией совершенно не согласен. Это была ошибка. Статью читал Андрей Белый в Петербурге и выразил довольство. Подпись автора что-нибудь да значит. Редакция

* В «Аполлоне» уверены, что все замаскированное направлено именно на них; я же убеждаю вести серьезные споры. Решительно, нужна дискуссия, а не смута.

могла ограничить статью своею оговоркой о несогласии. Художник и критик, как Кузмин, имеет право на собственное мнение; статья же была ему вдобавок заказана. В крайнем случае, следовало условиться с автором. Место, занятое в № статей, не было предначертано звездами. Вопрос, послуживший контраверзой, очень техничен: «мастерство» вовсе не значит, по мысли автора, что-либо иное, кроме выдержанной и искусно применяемой сознательной техники (в данном случае в области стиха). Техническая красота при этом не покрывает, по мысли автора, технической некорректности, с ними легко уживающейся. Но дело не в этом недоразумении, а в искажении полностью смысла статьи и в произволе по отношению к видному сотруднику, особенно же в запрете иметь свое мнение. Если бы я одну минуту полагал, что мое участие предполагает мое согласие со всем дословно, что печатается в «Трудах и днях», то тотчас же бы устранился от участия. Точно так же не предполагаю я, что и со мной во всем согласны. Какая же возможна критика без свободы личной расценки? Другое дело — 1) общий дисциплинарный устав (напр., корректность полемики), 2) общередакционные, всех связующие, руководящие заявления вроде манифестов (прим[ер]: мой сотрудник-ческий протест против первоначального, не всеми приемлемого зачисления религиозной сферы en bloc¹⁵ в состав элементов становящейся культуры — по крайней мере, по прямому смыслу тогдашней формулировки этого взгляда). В этих двух случаях применима к сотрудникам со стороны редакции correctio в силу магистратской potestas¹⁶.

Pro domo mea¹⁷

Мне реклама не нужна; но современникам я был бы нужен. Их прямой интерес — начать, наконец, понимать мое искусство. Иначе они рискуют по-прежнему искать *midî à quatre heures*¹⁸. Между прочим, я просил бы исправить опечатки в плохенькой статейке Кузмина обо мне: строка 11 на стр. 50, снизу, должно читать слишком русский, вместо русской (иначе смысл переиначен, утверждается обратное мысли автора); предпоследняя строка статьи — станут, вместо стопнут¹⁹.

О Пясте и Мережковском

Недоумеваю, почему на стр. 32 последний абзац кажется Вам «чудовищным выпадом»? Несомненно и вполне справедливо, что сказано об «удобстве позиции» этого не-

слыханного по передержкам либерального доноса. Вы, верно, его не читали?!²⁰

О языке Мусагета и его этикете

Мало ли что мне лично не нравится... Я все же не могу навязывать другим своих пристрастий и симпатий насильно. «Эмоция» — слово, как все технические термины. Что мне за дело, что его придумал какой-то медик?²¹ Я знаю его из психологии, где оно имеет и русский эквивалент «волнение». Но порой лучше самое техническое выражение. Так писал и Гете, изобилующий иностранными терминами, чуждый стремления все verdeutschen²², полный безупречной самоуверенности истинного художника; высказывающийся и принципиально против пуризма. Я уверен, что в моих писаниях есть «эмоция». А все же слово и мне не симпатично, особенно же эмфаза, с которой оно произносится. Но отсюда до редакционного запрета весьма далеко. И не следует, по-моему, приставать к людям из-за мелочей. Если бы Мусагет был художественным органом и имел во главе Стефана Георге, как *Blätter [für] d[ie] Kunst*²³, тогда бы он мог простирать требования мусагетской формулы на все, до интерпункции и орфографии. Но в нашем журнале большая часть страниц являют крайнюю неприбранность и небрежность, о филологической акрибии и даже строгой орфографии нет и помину, язык преимущественно — идеологически-ремесленный. Куда же тут очищать и эмендировать! А с общими концепциями сотрудников ничего не поделаешь: *hic libertas*²⁴. Кто верует в способность психологии, кто — не по-нашему с Вами — в прогресс. Остается просто отстранять статьи, не подходящие по духу; эпитимий не нужно. И не нужно стремиться «омусагетить» петербуржцев. Это было бы напрасное предприятие, потому что им можно дружить и сочувствовать, но никому и в голову не придет, что Мусагет думает про себя: «*ex me lux*»²⁵. В частности я получил поручение провести статью Скалдина²⁶ (№ 3 корректура ему нужна!) через мой просмотр и ее одобрить; казалось бы, дело с Вас снято; а Вы завели какую-то канитель, разглядывая под лупой то, что должно быть принято или отвергнуто целиком, уже после моей лупы, и усмотрели какие-то нарушения чего? — *pruderie*?²⁷ — Разве вообще нельзя говорить в серьезной статье (да еще на тему «Розанов») *de rebus naturalibus*?²⁸ Не помню места, Вас смутившего; должно быть, мне и в голову не пришло его отметить.

О гонораре

Мне что-то говорил Боря. Я просил обо мне лично помнить, что гонорар, хоть какой-нибудь, мне нужен. — Кстати, «Дневник трех писателей»²⁹, как мы его себе рисовали, не имеет ничего общего с тем, что выдумал Боря. Там была бы ясна платформа каждого; теперь все читатели выводят равнодействующую из всех участвующих сил, а эта равнодействующая уже далеко не то, что хотел бы лично каждый из нас. «Труды и дни», тем не менее, люблю, но только будущее мне покажет, не будет ли разница между мною и тою равнодействующей столь значительна, что я буду считать себя только сотрудником.

О романе Белого³⁰

Все это было неприятно узнать. Тяжело и похоронить мечту о журнале, где бы мы дружно и действительно, властно и реально заговорили с обществом не о лаборатории, а о жизни. Дорогой Эмилий Карлович, обнимаю Вас, как люблю, дружески и искренно Ваш Вяч. Иванов.

[Приписка сверху в начале письма на л. 13]

Посылаю одновременно статью «Манера, лицо, стиль» и прилагаю письмо Ю. Н. Верховского ко мне о символизме Баратынского, которое советовал бы напечатать в «Трудах и днях»³¹. В. И.

Это письмо Верховского прошу Вас потом мне **возвратить**.

¹ Имеется в виду статья «Манера, лицо и стиль», о которой см. прим. 9 к письму 5.

² Демон (гений) (греч.) — намек на предостерегающий «даймонион» Сократа: «<...> это голос, который, когда он мне слышится, всегда, что бы я ни собирался делать, указывает мне отступить, но никогда ни к чему меня не побуждает» (П л а т о н, Собр. соч. в 4-х томах, т. 1, М., 1990, с. 122).

³ Имеются в виду Высшие женские курсы в Петербурге, на которых в 1910—1912 годах В. И. Иванов преподавал историю греческой литературы.

⁴ Статья была опубликована в качестве второй главы первого тома «Истории западной литературы», выпущенной издательством «Мир» в 1912 году.

⁵ Статья В. И. Иванова (воспроизведение его публичной лекции) «Чюрлянис и проблема синтеза искусств» была опубликована в журнале «Аполлон» (1914, № 3), затем вошла в его книгу «Борозды и Межи». Вдова М. К. Чюрлениса — писательница Софья Кимантайте.

⁶ Лучше поздно, чем никогда (франц.).

⁷ «Инвективы на музыкальную современность» — статья Э. Метнера во втором номере «Трудов и дней». Mi-la — «музыкальный» псевдоним

Метнера, которым подписана другая его статья в том же номере: «Ответ эмоционально-эволюционной эстетике». Домашние и близкие друзья Эмилия Карловича называли его «Милей». Выражение В. И. Иванова «Инвективы» не было» можно истолковать двояко: как отсутствие корректуры самой статьи в присланном ему экземпляре или как несоответствие духа статьи заявленному жанру.

⁸ См. прим. 10 к письму 5 и прим. 12 к письму 6.

⁹ Протест со стороны В. И. Иванова вызвало следующее место из статьи А. Белого «О символизме»: «Метафизика, философия и теория знания непроизвольно вплетаются в мое рассмотрение проблем символизма; если нет, вплетается мое собственное оригинальное воззрение, которое, может быть, живет во мне (иначе я попросту наговорил бы глупостей, как то часто бывает с поэтами, начинающими *со здравия* техники стиха, а кончающими *за упокой* всех вообще вопросов). Элемент чистого мирозерцания уже заключен в любом техническом вопросе, и только умственные кастраты, блюдя независимость искусства, полагают, будто независимость эта покоится на отсутствии в поэтическом мозге какой-либо мысли» («Труды и дни», 1912, № 2, с. 2—3).

¹⁰ Полное название статьи Ф. А. Степуна: «К феноменологии ландшафта».

¹¹ «От Ибсена к Стриндбергу». Это единственная статья Блока, опубликованная в «Трудах и днях».

¹² В отделе «О чем говорят» во втором номере «Трудов и дней» помещены два диалога: «О «двойной истине» (автор: Cunctator — псевд. А. Белого) и «Жизнь и поэзия» Б. Садовского.

¹³ См. прим. 1 к письму 5.

¹⁴ Провинции (лат.).

¹⁵ Целиком (франц.).

¹⁶ Власти (лат.).

¹⁷ По поводу себя (лат.).

¹⁸ Здесь: невозможного (франц.).

¹⁹ См. прим. 7 к письму 5. Столь пренебрежительный отзыв о статье М. А. Кузмина после всего написанного В. И. Ивановым в ее защиту кажется странным. Возможно, эта «метаморфоза» связана с начавшимся обострением их отношений. С осени 1912 года М. Кузмин был одним из активных распространителей позорящих В. И. Иванова сплетен относительно его брака с В. К. Шварсалон (дочерью покойной Л. Д. Зиновьевой-Аннибал). Это едва не привело к дуэли между М. Кузминым и братом Веры — С. К. Шварсалоном. Ср. также отзыв В. И. Иванова о поэзии М. Кузмина в письме к А. Д. Скалдину от 23/10 октября 1912 года («Минувшее», 10, с. 131).

²⁰ «Либеральным доносом» называет В. И. Иванов статью Мережковского «Балаган и трагедия», опубликованную в газете «Русское слово» (14 сентября 1910 года).

²¹ См. прим. 9 к письму 6.

²² Онемечивать (нем.).

²³ Стефан Георге (1868—1933) — немецкий поэт-символист; «Блеттер фюр ди кунст» — основанный им в 1899 году «Журнал искусств».

²⁴ Здесь: свобода (лат.).

²⁵ От меня свет (лат.).

²⁶ См. прим. 15 к письму 6.

²⁷ См. прим. 16 к письму 6.

²⁸ О вещах естественных (лат.).

²⁹ См. прим. 18 к письму 6.

³⁰ Речь идет о романе А. Белого «Петербург». См. прим. 1 к письму 4.

³¹ Статья Ю. Верховского «О символизме Боратынского. Письмо к Вячеславу Иванову по поводу его «Мыслей о Символизме» («Труды и дни», № 1) опубликована в журнале «Труды и дни», 1912, № 3, с. 1—9. Юрий Никандрович Верховский (1878—1956) — поэт, близкий к символистам, историк литературы.

*Вступительная статья и публикация
В. САПОВА.*

(Окончание следует.)

ЖУРНАЛ
КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

1994 Выпуск III

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1957 ГОДА

Учредители: Институт мировой литературы А. М. Горького РАН,
Фонд «Литературная мысль»

СОДЕРЖАНИЕ

XX ВЕК: ИСКУССТВО. КУЛЬТУРА. ЖИЗНЬ

- 3** **М. ХОЛМОГОРОВ.** Это же смертное дело!.. Перечитывая Юрия Казакова
- 21** **С. ПОВАРЦОВ.** Исаак Бабель: портрет на фоне Лубянки
- 72** **М. ЛИПОВЕЦКИЙ.** Эпилог русского модернизма (Художественная философия творчества в «Даре» Набокова)
- 96** **И. ГУРВИЧ.** Звук и слово в поэзии Мандельштама

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- 109** **Т. Г. МАРУЛЛО.** «Ночной разговор» Бунина и «Бежин луг» Тургенева

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- 125** **А. МУЛЯРЧИК.** Набоков и «набоковианцы»
- 170** **С. ЗЕНКИН.** Морис Бланшо: отрицание и творчество
- 191** **Морис БЛАНШО.** Смерть как возможность

СУДЬБЫ ПИСАТЕЛЬСКИЕ

- 214** **А. ШТЕЙН.** Как я был космополитом
- 220** **А. АНФИНОГЕНОВ.** Правое дело Василия Гроссмана

ПУБЛИКАЦИИ. ВОСПОМИНАНИЯ. СООБЩЕНИЯ

- 234** Документы свидетельствуют... (Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД). Смотрели за каждым. О романах Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка». Публикация Е. Ореховой и А. Петрова

- 248** Леонид Андреев — критик. Публикация В. Чувакова и А. Руднева
- 281** В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров. Публикация В. Сапова. Окончание

ЗАМЕТКИ. РЕПЛИКИ. ОТКЛИКИ

- 318** А. МАШЕВСКИЙ. «О литературном процессе» и литературе в свете принципов и критериев
- 328** М. ШАПЕР. Между грамматикой и поэтикой (О новом подходе к изданию Даниила Хармса)

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. АННОТАЦИИ

- 333** А. БОЧАРОВ. «Музыку я разъял, как труп...»
- 343** Т. БЕК. Время — Язык — Судьба

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

- 350** По сусекам... (К 100-летию со дня рождения М. М. Зощенко). Публикация Ю. Томашевского
- 358** Тынянов-эпиграмматист (К 100-летию со дня рождения Ю. Н. Тынянова). Публикация Вл. Новикова

МОЗАИКА

- 362** МАЛК за работой
- 366** А. ТВАРДОВСКИЙ. Внутренние рецензии. Публикация Р. Романовой. Окончание
- 375** Илья Эренбург о романе «Хулио Хуренито». Публикация В. Попова и Б. Фрезинского

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Н. А. Анастасьев, Н. И. Балашов, Г. А. Белая, А. Г. Битов, А. Г. Бочаров, С. Г. Бочаров, М. Л. Гаспаров, Л. Д. Громова-Опульская, Ю. В. Давыдов, Н. А. Ефимова (США), А. М. Зверев, Ф. Ф. Кузнецов, Д. С. Лихачев, Ю. В. Манн, А. А. Михайлов, А. В. Михайлов, В. М. Озеров, Ю. М. Овсянников, Е. П. Чельшев, И. О. Шайтанов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. И. Лазарев (главный редактор), Т. А. Бек (отдел современной литературы), Т. И. Джалилова (отдел публикаций), Д. А. Ермаков (отдел рецензий), С. В. Ломинадзе (зам. главного редактора), Г. К. Львова (зам. главного редактора), В. С. Непомнящий (отдел русской классической литературы), А. В. Полетика (отдел хроники), О. А. Салынский (отдел современной литературы), К. Н. Траилин (Исполнительный директор Фонда «Литературная мысль»), Л. М. Шарапова (отдел зарубежной литературы), Н. Н. Юргенева (отдел русской классической литературы)

В. И. ИВАНОВ И Э. К. МЕТНЕР. ПЕРЕПИСКА ИЗ ДВУХ МИРОВ*

8

Э. К. МЕТНЕР — В. И. ИВАНОВУ

Pillnitz 29/IX 912

Дорогой Вячеслав Иванович!

Ваше письмо от 12/IX н. с. получил¹. Что оно было переслано мне сюда из Москвы, связано с тем фатальным недоразумением относительно моего адреса, в котором я нисколько не виноват, ибо определенно заявил, уезжая из Москвы, чтобы писали Bayreuth Haupt postlagernd. А вперед знать, в каких отелях я остановлюсь на день, на два в Нюрнберге, Регенсбурге, Линце и Вене, я, конечно, не мог... Далее распутывать это недоразумение и не стоит, да я и не могу этого сделать до приезда в Москву. Фатально оно тем, что, имея в себе некоторую видимость моей вины, оно дало возможность Бугаеву довести свой азарт до такого неприличия, что я окончательно прекратил с ним до поры до времени личное (неделовое) сношение. С Эллисом я покончил после его возмутительного письма два месяца тому назад. Бесы, что ли, у них выходят, я не знаю, но стало нестерпимо с ними общаться. Несомненно, они оба беседовали и с Вами² о мусажетском хаосе и об его главном виновнике, т. е. обо мне; вот почему считаю необходимым поставить Вас в известность о прекращении моих чисто личных

* Окончание. Начало см.: «Вопросы литературы», 1994, вып. II.

сношений с обоими беснующимися неофитами, а также заявить Вам, что я готов принести клятву перед Богом и привести доказательства перед третейским судьей как в том, что все обвинения, возводимые на меня Бугаевым и Эллисом, сплошь ложны, так и в том, что все замечания, к которым меня вынудило нелепое поведение обоих, основательны. Я вижу, что мне придется составить записку о возникновении и действовании Мусагета на основании имеющихся у меня документов (писем, записок, протоколов заседаний) и предложить ее для критики ближайшим сотрудникам. Тогда всплывет на поверхность все действительно хаотическое в Мусагете, выяснится моя роль во всем и скажется, что творцами хаоса именно и являются Белый и Эллис. Хаоса же в том, как выражается Мусагет вовне, я совершенно не вижу; есть некоторая смутность очертаний, вполне естественная, если принять во внимание разнородность элементов, которые не могли, конечно, дать гармоническое созвучие в столь короткий срок, да еще вдобавок при таких вулканических кризисах главных действующих лиц. Dixi!³ Если я еще услышу глухие жалобы на хаос, я закрываю весь Мусагет и исчезаю навсегда для моих литературных друзей.

Отвечаю по пунктам; сначала на деловое.

1) В Москве о существовании Трудов и дней никогда не забывали. Уверен, что и Вы все время помнили о журнале и что наконец Вы же и напомнили о нем Бугаеву, приехав в Базель, подобно тому как, вызвав его в январе в Петербург, Вы напомнили ему о специальной задаче журнала, о символизме.

№ III, май-июнь, в срок (т. е. самое позднее — конец июня) выйти не мог оттого, что Бугаев забыл о журнале, ничего не отвечал на вопросы, которые ему ставились, не возвращал статьи Скалдина⁴ и ничего не присылал своего; ждали и от Вас назад корректуры, писали Вам об этом (одно время не знали Вашего адреса); но, зная, что Вы чрезмерно заняты переездом за границу, несколько не удивлялись на Вашу задержку. Наконец, подошел крайний срок моего отъезда в Байрейт, и я уехал в конце русского июля, отдав приказ возможно скорее выпустить № III, как он есть без Белого и без Вас. № IV будет выпущен в одной тетради с № V, ибо нельзя же июль-август выпускать в октябре; другое дело: июль—октябрь. Скажу откровенно, что если журнал придется так натягивать, то я предпочитаю его закрыть.

2) Из предыдущего пункта ясно, что Ваша просьба о вы-

сылке корректуры меня очень удивила, ибо она была Вам давно выслана.

3) Статья Скалдина была взята Бугаевым с собой за границу и до сих пор продержана. Вопрос об ее помещении вовсе не подымался. Шла речь о двух-трех листах статьи, которые возбудили страшные дебаты в нашем кружке (Рачинский, Киселев, Петровский были очень против)⁵. Бугаеву было предоставлено как Редактору окончательно решить судьбу этих мест. К сожалению, Бугаев ничего не сказал в своей приписке к Вашему письму об этих местах...

Устал писать пером (ненавижу это орудие писания, перехожу к карандашу и прошу извинить эту халатность...)⁶. об этих местах, ибо, разумеется, даже забыл, зачем ему эту статью вручили при отъезде.

4) Статья о Брюсове и меня отнюдь не пленила⁷. Однако именно по практическим соображениям и в особенности ввиду недостатка материала для двойного номера, мне кажется, ее можно было бы пустить. Впрочем, Бугаев ее или потеряет, или продержит года два. — Если же он найдет возможным ее поместить, тогда я сдам в набор. Статья все же неплохая. Ведь и статья Сюннерберга **Искусство Вожатый** не «ахти-что»! Статья студента Сидорова⁸ тоже неважная, но надо и разбавлять, иначе мы сядем на мель.

6) Надеюсь, что Вы согласны со мною в том, что проповеди оккультизма, да еще с определенной (штейнерианской) окраской, ни **Мусагет**, ни **Труды и дни** допустить не могут. Относительно «синтеза оккультизма и символизма» (платформа Эллиса, а ныне и Бугаева?) у меня самые мрачные мысли. Прежде всего: Штейнер — антисимволист, замаскированный материалист и мета...химик. Далее, Эллис — ритор, пропагандист, католик по психологии. Наконец, Бугаев — бессознательный игрок, и притом несколько аффектированный и левоверный. Что же должно получиться из всего этого? Милый Андрей Белый, театрально разводящий руками и закатывающий глаза, пленителен, пока он ведет речь о магии искусства или даже об искусстве магии, но последнее по книжкам... Но... Но... Но... Не дальше.

Я считаю Белого органически неспособным к оккультизму. Вся его интуиция, медиумизм приемлемы и даже желательны в тесной сфере искусства (и «об искусстве»). От аффектации и цветистости (хотя и безвкусной, но тем не менее вовсе не первобытной, не библейской, скорее истинно декадентской) он никогда не освободится. А я

ставлю вопрос: что мне делать, что мне думать обо всем «движении», если его вожди (художественными продуктами которых я восхищаюсь) театрально машут руками и пользуются чрезмерно яркой палитрой в своей речи о судьбах космоса... Я только намекаю: нет возможности сказать всего, да я и не смею; боюсь «припечатывать»... Прибавлю только, что опасаюсь сильно за художника Белого!⁹

7) Очень тронут Вашими милыми и одобрительными словами о Модернизме и музыке¹⁰. Сверхмерная бранчливость весьма естественна, как результат моего темперамента + материала книги (которую я рассматриваю как метлу... и только).

8) О Дионисе сбивчиво по двум причинам: а) этой теме не посвящено отдельной статьи, подводящей итог рассеянными замечаниям и примерам; б) у меня нет слов для этой темы (Аполлон — Дионис); иногда я почти столь же сожалею, что не филолог, сколько сожалею, что не музыкант. Спорить с Вами, специалистом, мне невозможно. Вы всегда сможете найти «симптомы заблуждения». Быть может, я слишком дионисичен и потому боюсь Диониса. Во всяком случае, не думаю, чтобы отношение мое к Дионису было отношением охранки к Революции... Наконец, полагаю, что ратовал в Мод[ернизме] и муз[ыке] против псевдодиониса, духом которого охвачены многие проявления модернизма... Скажу еще раз, что сам хотел бы многое сказать на эту тему, но едва ли удастся. Пожалуй, легче говорить устно (в беседе) об этом, но страшно, потому что начинаешь нестись и все делается вдруг совершенно ясным, а когда это ясное пробуешь сжать в кулак, то оказывается, что сжимаешь пустое место. Писать же бесконечно трудно, хотя менее страшно; но едва ли написанное будет понятно даже самому автору лет через десять. Ибо нет слов, фиксирующих это. И, ссылаясь на Ницше, приходится указывать на все его сочинения, взятые в целом, а не отдельные места. Чувствую я Аполлона и Диониса до жуткости отчетливо, все равно, в политике или в поэзии. Я не знаю, хотел бы я или нет говорить с Вами об этом?

9) Вы мне то бесконечно близки, то совершенно чужды; оба ощущения совсем никакой видимой связи не имеют с эмпирическими данными Вашей личности и Вашего творчества (как это, например, у меня в отношении к Бугаеву, где я твердо знаю, что принимаю и что отвергаю). Чувство близости преобладает безусловно... Восхищает меня то, что Вы — свободный, бесконечно свободнее всех других лично

известных мне современников. Я неоднократно думал о Вас за последние месяцы и порывался писать, но все как-то не выходило.

Кончаю, ибо пора собираться в обратный путь, в Москву.

Жму Вашу руку.

Привет Вашим.

Любящий Вас Э. Метнер.

¹ Письмо В. И. Иванова не сохранилось.

² В. И. Иванов встретился в сентябре 1912 года с А. Белым и Эллисом в Базеле, где они оба слушали курс лекций Р. Штейнера, посвященный «Евангелию от Марка», и куда В. И. Иванов приехал специально для встречи с ними.

Любопытные подробности об этой встрече сообщает А. А. Тургенева: «1912 год. Базель. Нас посетил <...> писатель Вяч. Иванов <...>. Поэтический дар, личное обаяние и золотые кудри придавали его благородно-профессорской наружности оттенок эстетизма. Он хотел вступить в Теософское общество и просил нас познакомить его со Штейнером. Мы были поражены решительным отказом Штейнера, который вообще допускал в Общество самые удивительные фигуры. «Может быть, господин Иванов большой поэт, — сказал он, — но к оккультизму у него нет ни малейших способностей; это повредило бы ему и нам. Я не хочу с ним встречаться, постарайтесь его отговорить». Так что тот, кто мнил себя первейшим русским оккультистом, был признан в этом отношении полнейшей бездарностью» (цит. по: Маргарита В о л о ш и н а (М. В. Сабашникова), Зеленая Змея. История одной жизни, М., 1993, с. 363—364).

³ Сказал (лат.).

⁴ О статье А. Д. Скалдина см. прим. 15 к письму 6.

⁵ Григорий Алексеевич Р а ч и н с к и й (1859—1939) — философ и переводчик, председатель Московского религиозно-философского общества.

Алексей Сергеевич П е т р о в с к и й (1881—1958) — переводчик, сотрудник библиотеки Румянцевского музея.

О Н. П. Киселеве см. прим. 8 к письму 6.

⁶ Почти все письма Э. К. Метнера в «московский период» его жизни написаны карандашом в копировальной тетради или под копирку. Этим объясняется почти полная сохранность написанных им в то время писем.

⁷ Статья о Брюсове в «Трудах и днях» не была напечатана.

⁸ Константин Александрович С ю н н е р б е р г (1871—1942) — поэт и критик, писавший под псевдонимом «Конст. Эрберг». В 3-м номере «Трудов и дней» (1912) опубликована его статья «Искусство-вожатый».

Алексей Алексеевич С и д о р о в (1891—1978) — поэт, искусствовед, книговед, участник ритмического кружка А. Белого, впоследствии профессор. Его статья (в том же номере «Трудов и дней») — «В защиту книги».

⁹ Такое же сомнение (и почти теми же словами) высказал В. И. Иванов в своем письме к А. Д. Скалдину от 10/23 октября 1912 года (см.: Андрей Б е л ы й, Начало века, М., 1990, с. 649).

¹⁰ Имеется в виду книга Э. К. Метнера «Модернизм и музыка» (М., «Мусагет», 1912; издана под псевдонимом «Вольфинг»), которую летом 1912 года он рассылал своим друзьям и знакомым. Книга вызвала неоднозначную реакцию. С. В. Рахманинову книга сначала не понравилась, но впоследствии он оценил ее по достоинству и в 1931 году даже советовал автору переиздать ее (С. Р а х м а н и н о в, Литературное наследие, т. 2, М., 1980, с. 53, 57, 322—323).

Резко негативно оценила книгу Э. К. Метнера М. С. Шагинян: «...расистская книга, с заложенными в ней теми самыми зернами, какие пышно расцвели впоследствии у теоретиков фашизма...» («Воспоминания о Рахманинове», т. 2, М., 1988, с. 111).

С восторгом отзывался о книге И. А. Ильин в личном письме к Э. К. Метнеру от 6 мая 1913 года (ОР РГБ. Ф. 167. К. 16. Ед. хр. 14. Л. 10); с почтительной настороженностью — Ф. А. Степун (в письме к Метнеру от 24 июня 1912 года — т а м ж е, К. 14. Ед. хр. 45. Лл. 7—10).

9

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

Montreux 5 окт[ября]
22 сент[ября] 1912

Дорогой Эмилий Карлович,

Спасибо Вам за одно из тех Ваших больших и набросанных карандашом писем, которые совершенно передают ритм живой беседы и способны даже меня побудить к немедленной отписке. Я их очень люблю, Ваши письма карандашом, потому что люблю с Вами видеться и злюсь при свидании на Вас только за Ваши золотые часы, автоматически выскакивающие из жилетного кармана для ядовитейшего протеста против всякого лже- и подлинного дионисийства, самозабвения и — саморазрушения. Будучи довольно говорливым, я искушен, после прочтения Вашего письма, исписать очень много бумаги, — но у меня нет ни бумаги такой, как у Вас, ни такого карандаша. Обаяние Вашего письма сказалось в том, что я на своей бумаге и своим (также мне ненавистным) «орудием писания» настрочил и только что отослал в Мусагет для «Трудов и дней» целую статейку, под заглавием «Marginalia», о Вольфинге (Модернизм и музыка) и о Зенкевиче (книга стихов)¹. Если Вы хотите продержат за меня — с тщательностью автора — корректуру, то не присылайте за границу таковой, а печатайте сразу. Конечно, я не вправе разбирать Вашу книгу — да и само название «Marginalia» показывает, что это только попутные замечания. Ну, да Вы увидите.

Пожалуйста, продолжайте «Труды и дни»; ставьте редактору срок для отзывов, по истечении которого распоря-

жайтесь сам; не обращайтесь — с истинною «мужественностью» — внимания на толки, ропот, укоры и т. д.; взявшись за дело, не бросайте его, как свойственно русским и не приличествует «тевтонствующему», которому свойственно каждое начинание **развивать**. Я буду писать, сколько хотите и как хотите (т. е. стилем важным и сжатым, или площадным, как «*Marginalia*»).

Повторяю, что я не получил корректуры большой весенней статьи, и покорнейше прошу о немедленной высылке в *Lausanne, poste restante*. Получи я корректуру, написал бы давно еще статеек. «Труды и дни» формируются, приобретают физиономию серьезного, дельного, б[ыть] м[ожет], впоследствии единственного в своем роде (высокой культуры) издания.

Статьи оккультистские, если они подписаны Белым, — конечно, желанны! Но синтеза между оккультизмом и символизмом я не признаю, как эстетической платформы или программы журнала. Здесь огромная опасность для искусства вообще, а кроме прочего, просто я защищаю знамя символизма, а не выдаю его, не подмениваю его, не укрываюсь в чужие ряды. Я сам хочу быть оккультистом; но своего оккультизма через это одно не стану по возможности и преднамеренно вносить в свой символизм. Ах, ведь это все так просто, если только сознавать себя реально — художником! За художника в А. Белом также боюсь, как ему подробно объяснял, умоляя беречь в себе художника. Но теперь он *im neuen Werden*². Дай Бог, чтобы вышел из теперешнего только пассивного подчинения, вырос до внутренней свободы, что, полагаю, возможно и в штейнерианстве и, б[ыть] м[ожет], составляет мистагогическую цель Штейнера по отношению к Боре. Ибо я склонен предполагать о Штейнере все хорошее³.

Вопросы:

Могу ли я прислать из Рима, куда еду, вскоре своего Но-валиса, а в начале 1913 г. Диониса — для издания в *Musagete*?

Хотите ли издать книгу моих статей «Борозды и межи», уже готовую?⁴

До свидания. Обнимаю Вас и люблю.

Вяч. Иванов.

О Скалдине еще раз: если уж нужны купюры, делайте их скорее и сам, но печатайте статью без замедления, — ведь она по поводу **новой книги!**

¹ Опубликована в № 4-5 «Трудов и дней» 1912 года. См. прим. 8 к письму 5.

² В новом становлении (нем.).

³ Ср. с письмом В. И. Иванова к А. Д. Скалдину от 5 ноября /23 октября 1912 года («Минувшее. Исторический альманах», 10, М.—СПб., 1992, с. 137—139).

⁴ Имеются в виду книги В. И. Иванова «Ли́ра Нова́лиса» и «Элли́нская рели́гия страдающего бога». Об издательской судьбе «Ли́ры Нова́лиса» см.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. IV, Брюссель, 1987, с. 724—729; «Элли́нской рели́гии...» — прим. 3 к письму 1.

Сборник статей В. И. Иванова «Борозды и межи» был выпущен издательством «Мусагет» в 1916 году (в это время фактически руководил издательством В. В. Пашуканис).

10

Э. К. МЕТНЕР — В. И. ИВАНОВУ

1/14—X—912. Траханеево

Дорогой Вячеслав Иванович,

Спасибо, спасибо большое и за статью, и за письмо. Странно, что Вы еще не получили второго экземпляра Вашей корректуры; она выслана уже недели полторы назад. Не понимаю, что происходит с почтой. Обещаю продержаться за Вас с тщательностью автора корректуры *Marginalia*. Скалдина Бугаев все еще не присылает. Он занят писанием позорящих меня писем; Эллис также; оба окончательно сошли «с ума» в своих нападках на меня. Я очень разбит всем этим. Опять не сплю, и вся охота жить и работать пропадает... Когда оправлюсь, напишу подробнее. №№ 4—5 Тр[удов] и дн[ей] выйдут вместе непременно в октябре... Борозды и межи присылайте.

Ваш Э. М.

11

Э. К. МЕТНЕР — В. И. ИВАНОВУ

Дорогой Вячеслав Иванович! Сообразил, что в предшествующей открытке вскользь упомянул о Межах и бороздах. Ваши книги настолько желанны, что несмотря на финансовые затруднения Мусагет примется за их печатание. Только нельзя сразу все. Сообразите, в какие сроки и в каком порядке Вы станете присылать рукописи, и дайте нам

указания относительно внешности издания. Напишите также и о презренном металле. Я все еще настолько разбит, что... карандашом писать не могу. До свиданья. Привет Вашим.

Э. Метнер.

Траханеево 7/X 912.

12

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

Рим, 15/2 ноября 1912

Дорогой Эмилий Карлович,

В. Ф. Ахрамович¹ пишет мне: «Эмилий Карлович поручил мне известить Вас о желании Эллиса² значиться в числе ближайших сотрудников: если Вы будете иметь что-нибудь против, известите об этом Э. К. Метнера; неполучение от Вас ответа будет истолковано редакцией как согласие».

Даю на этот вопрос следующий точный ответ.

Формула: «Журнал Z издается под редакцией А; при ближайшем участии В и С», — имеет в моих глазах единственный смысл, что А, В и С совершенно солидарны между собою относительно общего направления и ядра журнала; В и С не несут ответственности за частности, не окрашивающие собою общего направления, но все, определяющее характер, тенденцию, «платформу» издания, лежит и на их ответственности.

(Правда, бывают случаи чисто декоративного упоминания чьего-либо имени под рубрикой ближайшего сотрудничества. К «Трудам и дням» и к роли в них моей и Блока это не применимо, т. к. журнал с самого начала выступил как бы манифестом того символизма, активным деятелем которого являются лица редакторов и ближайших сотрудников.)

Предположим теперь присоединение к кругу А, В и С нового лица D. Ясно, что он должен стоять в отношении той же солидарности к коллективу и к отдельным членам по вопросу о направлении журнала, какая установлена между А, В и С. Ваш вопрос о Л. Л. Эллисе обращается, следовательно, в вопрос: «Солидарен ли я с Эллисом по вопросу о направлении журнала в той же мере, в какой солидарен с Вами, Андреем Белым и Блоком?» — Что же я могу отве-

тить на этот вопрос? Так как я не говорил с Эллисом и не переписывался с ним, то я должен ответить: «Не знаю». Другими словами: $D = x$.

В самом деле (и оставляя совершенно в стороне отношения личные), я знаю лишь, что в некоторую отдаленную эпоху Эллис был моим принципиальным антагонистом³. Не важно, что я склонен был считать этот антагонизм в значительной мере недоразумением и не был в состоянии определить точно пункты расхождения: важно то, что Эллис провозгласил себя антагонистом. После краткого промежутка началась новая, вторая эпоха его антагонизма (опять-таки, говорю не о личной враждебности, но о некоем возмущении, имевшем в глазах Эллиса характер **принципиального протеста**). Она, эта эпоха, быть может, также отошла в прошлое, так как Эллис теперь поднимал другое знамя; и в каком свете представляюсь ему я с этой новой позиции, я не знаю. Возможно, что он считает мою идейную почву для себя не вовсе нечистой, так как не боится «ближайшего сотрудничества» вместе со мной; но я-то не могу выражать своего согласия на присоединение **неизвестной** величины, ибо таковое было бы лишь проявлением моего индифферентизма.

Итак, не будучи в сношениях с Эллисом, не могу и сказать, солидарен ли в вопросе о «Трудах и днях» с теперешним Эллисом или несолидарен.

Прибавлю, что, живя Бог знает где и лишенный возможности непосредственных сношений с редакцией, числюсь «ближайшим сотрудником» по доверию к Вам, Белому и Блоку и на основании первоначального идейного соглашения. С Эллисом у меня не было ни соглашения, ни общей почвы, связывающей нас взаимным доверием. Фактически же Эллис именно в постоянных и непосредственных сношениях с редакцией; мое «ближайшее сотрудничество» делается, след[овательно], чисто декоративным.

Итак, теоретически редакционный вопрос, мне направленный, **неразрешим** (ибо $D = x$); на личную почву становиться я не могу; а **практическое** разрешение все же безотлагательно нужно. И здесь дело до чрезвычайности упрощается.

Не изменяя ни в чем своего реального отношения к «Трудам и дням», оставаясь их ревностным сотрудником — в меру желания редакции, я решил (и в этом смысле делаю Вам категорическое заявление) выйти из числа **ближайших** сотрудников. Итак, покорнейше прошу Вам не поминать

моего имени рядом с именем Блока в качестве сотрудника «ближайшего». Это снимает с меня ответственность за тот сдвиг платформы, который совершился в журнале, журнал при этом не лишится ни одной моей строки, ни одного ответа, которым бы он дорожил... А что сдвиг совершается, очевидно из самого факта кандидатуры на ближайшее сотрудничество.

Как мне представляется этот сдвиг? Здесь я могу говорить лишь гадательно, за отсутствием точных сведений. Полагаю — скорее, предполагаю, — что Боря и Эллис хотят проводить в «Т[рудах] и Д[нях]» доктрину Штейнера и применить точки зрения этой доктрины к обсуждению вопросов искусства в частности и культуры вообще. Другими словами, придать журналу такую же окраску штейнерианства, какая характеризует, по-видимому, издательство «Духовное знание» (за присылку маленького Экхарта в изд. «Дух. знание», как и за «Наполеона», при этом случае, высказываю Вам большую благодарность!⁴). Если это мое предположение правильно, то мы имеем дело, прежде всего, с **новым**, самостоятельным планом и заданием, о котором также ничего не могу сказать, это — **х'**, — потому что такой план со мной не обсуждался. К доктору Штейнеру не скрываю своих симпатий (симпатий скорее интуитивных, чем рациональных). «Штейнерианство» этих симпатий, напротив, во мне не возбуждает: разумею движение на Западе. Но что такое штейнерианство Белого и Эллиса, опять-таки вовсе еще не знаю. Символизм же мешать с штейнерианством не хочу. Мой «символизм» (говорю о теориях) есть теория **только** эстетическая. Теософические (в лучшем смысле слова) опыты с искусством мне не симпатичны. Не подходит ли мой черед сказать: «*ars ancilla theologiae (aut theosophiae) ne esto*»?⁵ Во всяком случае, в идейные авантюры я не пущусь и ответственность за модификацию символических учений в теософическом смысле нести не хочу. Этим объясняется мой выход из ближайших сотрудников. Нет, я останусь верен искусству и в то же время — мистике, как я ее переживаю. А что будет из их начинаний, сначала погляжу на это со стороны — и, быть может, первый буду горячо сочувствовать им и даже, в случае надобности и по мере сил, помогать. Но сначала нужно знать, что это такое. — Итак, прошу Вас определенно и решительно снять с меня ответственность ближайшего сотрудника.

Книга «Борозды и межи»⁶ будет очень невелика, и потому мне желателен был бы формат не крупный. Оттиски ста-

тей, долженствующих в нее войти, вышлю вскоре*. Гонорара за книгу не прошу. Новалиса также вышлю вскоре. Диониса должен закончить в Риме, и надеюсь, что Мусагет поможет мне довести начатое до конца⁸. Обнимаю Вас с любовью. Вяч. Иванов.

Когда возможно будет выслать мне несколько рублей за «Труды и дни» — сделайте это!

¹ Витольд Францевич А х р а м о в и ч (Ашмарин; 1882—1930) — в то время секретарь издательства «Мусагет». См. прим. 8 к письму 6.

² Об Эллисе см. прим. 4 к письму 6.

³ «Принципиальный антагонизм» между Эллисом и В. И. Ивановым в 1906—1907 годах был вызван полемикой вокруг «мистического анархизма» (см. прим. 9 к письму 3), которая привела к расколу в лагере символистов. Эллис был одним из наиболее активных противников идей «мистического анархизма», что на какое-то время сблизило его с Брюсовым и Блоком и максимально отдалило от В. И. Иванова (в идейном смысле, но для Эллиса это почти всегда означало — и в личном). Письма Эллиса того времени полны резких нападок на творчество и личность В. И. Иванова (см.: «Литературное наследство», 1981, т. 92. «Александр Блок. Новые материалы и исследования», кн. 2, с. 284—286). В последующие годы антагонизм между Эллисом и В. И. Ивановым несколько приутих, но 9 февраля 1911 года на лекции в издательстве «Мусагет» произошел «довольно неприятный инцидент: Вяч. Иванов подошел к Эллису и стал хвалить ему его стихи; на что Эллис неожиданно ответил: — К сожалению, не могу того же сказать и о Ваших стихах...» («Лица. Биографический альманах», 1, М.—СПб., 1992, с. 158).

Неудивительно, что В. И. Иванов, как пишет об этом А. Белый, «при намеке на Эллиса <...> багрянел, как петух» (Андрей Б е л ы й, Начало века, с. 350).

⁴ «Избранные проповеди» Мейстера Экхарта в переводе М. В. Сабашниковой вышли в издательстве «Духовное знание» в 1912 году. Почти одновременно издательство «Мусагет» выпустило «Проповеди и рассуждения» Мейстера Экхарта в ее же переводе («большой» Экхарт).

Вторая из названных книг: И. Тэн «Наполеон», изданная «Мусагетом» в 1912 году к 100-летию Отечественной войны.

⁵ Да не будет искусство служанкой теологии (или теософии) (лат.).

⁶ См. прим. 4 к письму 9.

⁷ Опубликовано в «Трудах и днях», 1912, № 6, с. 1—15.

⁸ Имеется в виду «Эллинская религия страдающего бога». Об этом неосуществленном замысле В. И. Иванова и о «Лире Новалиса» см. прим. 3 к письму 1.

О ходе работы В. И. Иванова над «Эллинской религией...» в конце 1912 года в Риме см.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. I, Брюссель, 1971, с. 140—141. По словам О. Дешарт, в процессе работы над книгой В. И. Иванов увлекся поисками корней прадионисийской религии, что привело его в будущем к созданию фундаментального труда «Дионис и дионисийство» (Баку, 1923). Две главы этого исследования были закон-

* Предварительно пришлю в «Тр[уды] и Д[ни]» статейку «О сущности трагедии»⁷, кот[орая] должна войти в книгу (собрание 12 статей).

чены В. И. Ивановым уже в Риме в начале 1913 года (см.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. II, Брюссель, 1974, с. 673).

Что касается «Эллинской религии...», то эта книга так и осталась незавершенной (с точки зрения самого автора, намеревавшегося снабдить ее научным аппаратом в виде обстоятельных комментариев). Значительные фрагменты обеих книг опубликованы в издании: Э с х и л, Трагедии в переводе Вячеслава Иванова, М., 1989.

13

Э. К. МЕТНЕР — В. И. ИВАНОВУ

Траханеево $\frac{19-XI}{2-XII}$ 912

Дорогой Вячеслав Иванович!

Вследствие неотклонимой переписки с Эллисом и Бугаевым снова не успел написать Вам письма. Ваше получил и все исполню, как Вы предлагаете. Гонорар за статью выслал. Бугаев сейчас гораздо более *versteinert*¹, нежели Эллис, который опять что-то переоценивает в сторону эстетики. Сейчас большой конфликт между Бугаевым и Яковенко из-за их статей². Скоро напишу подробнее.

Жму Вашу руку.

Ваш Э. М.

¹ Окаменел, остолбенел (нем.); здесь: успокоился.

² Подробности конфликта см. в следующем письме.

14

Э. К. МЕТНЕР — В. И. ИВАНОВУ

Траханеево на Клязьме 12/25—XII—912

Дорогой Вячеслав Иванович!

Наконец-то удосуживаюсь писать Вам! Возможным стало это потому, что перебранка с Бугаевым и с Эллисом, кажется, надолго затихла — (с Эллисом после полемических писем пришлось обменяться несколькими примирительными) — и тем часом сил и времени освободилось; кроме того, забота о IV, V № Тр[удов] и дн[ей] и работа над одной статьей (которую я непременно хотел приготовить для последнего VI № Тр[удов] и дн[ей] и теперь, изнеможенный вконец, отставил) больше не тяготеют надо

мною; осталось только: лейтмотив моей печали, к которому я уже привык, так что он мешать мне не может; затем чувство опустошенности от белоэллисовщины; наконец, безграничная нервная душевная, а м[ожет] б[ыть], и духовная усталость, причиненная еще некоторыми привзошедшими обстоятельствами.

Я не стану Вас утомлять пересказом дальнейших моментов моей полемики с Бугаевым и с Эллисом, а также новых небрежностей и путаниц Бугаева, результатом которых является столь поздний выход №№ IV и V, вполне готового к середине октября. Скажу только, что большей способности к беснованию и всяческому одержанию я не встречал, что никогда еще не ставилось на пробу в такой невыносимой мере мое терпение и моя любовь, что более возмутительно несправедливого обращения я не переживал никогда и что я сильно сомневаюсь (относительно Бугаева), был ли я когда-либо действительно понят и любим и не является ли «старинный друг», как меня называет Андрей Белый¹, просто одним из персонажей «Симфоний»², а я сам, живая личность, — просто моделью, к которой, к сожалению, как-то художник по привычке и «по-какому-то» любит ее. Эллис в этой сумасшедшей ссоре обнаружил большую человечность; когда он, наконец, образумился, он просто попросил прощения, обезоружив меня внезапно очень милым искренним «прежним» письмом.

Бугаев же стал играть в дипломатическую тактику и из этой «игры» по сию пору еще не вышел. Иногда я думаю, что не играет ли он вообще, и притом не в шиллеровском смысле, а в гейневском. Т. е. самые сильные и искренние его переживания клочковато, конечно, запечатлеваются в его произведениях, но этим клочкам окружением служат блестящие игры, в которых он сам себе подражает, сам себя форсирует, будирует.

Бугаев написал **Арабески**, в которых чересчур высмеял неокантианство и в то же время как редактор наложил veto на статью Яковенки о книге Бердяева, в которой Яковенко защищает свою позицию от нападений Бердяева. В результате возник такой конфликт, что я думал — придется закрыть журнал. Умиротворились насилу и неокантианцы: реваншируются «Письмом» Степпуна; статья же Яковенки (довольно резкая) осталась отклоненной³.

Можете себе представить, дорогой Вячеслав Иванович, сколько пришлось по поводу этого переписываться и сколько «давать аудиенций»! Но теперь я «принял отставку» Бугаева, которую раньше «отклонил»; он — более не редак-

тор Тр[удов] и дн[ей], а следовательно, все пойдет глаже...⁴ Речения в кавычках показывают Вам, что я впал в манию величия и намерен действовать самодержавно, причем (т. к. внешние дела все равно идут скверно) я дал отставку (полную) Кожебаткину, не оправдавшему надежд, которые возлагались на него как на «министра финансов и торговли», и, передав его функции Ахрамовичу, намерен вмешиваться (с помощью отца моего⁵) и в организацию сбыта, и в покупку бумаги etc. Если уж топить Мусагет, то по крайней мере своими руками. Будь, что будет.

Всевозможные дела, неприятности и хандра мешали мне до сих пор даже прочесть Вашу статью о Стиле etc.⁶ *Marginalia*⁷, как Вы знаете, я прочел давно.

Ваша статья, при всей ее оригинальности, свидетельствует о глубоком изучении и плодотворном использовании Вами Гете, а потому Вы можете представить себе, с какой радостью я подписался бы под каждой ее строкой. Кроме того, я с большим чувством удовлетворения прочел абзацы о музыке, которые вполне гармонируют с взглядами Мод[ернизма] и муз[ыки]⁸, а местами поют с моей книгой *unisono*. Приятно удивила меня Ваша корректура *Marginalia*, в которой Вы развили начало рецензии о Модернизме и музыке в мою пользу. Я получил много лестных писем и выслушал много устных комплиментов от музыкантов и музыкальных критиков, но в печати музыкальной никто не отозвался о книге, за исключением Леонида Сабанеева (лейб-критика Скрябина)⁹, который написал о Мод[ернизме] и муз[ыке] шесть ругательных статей в журнале *Музыка*; статей этих я за недосугом еще не читал, но говорят, что они совершенно неприличны и очень... личны. Литераторы поняли мою книгу лучше, правильнее, нежели музыканты, но кроме Вас, никто еще не отозвался в печати, если не считать Чудовского¹⁰ и Шагинян, написавших несколько слов о Листе¹¹... Кстати, обратите внимание на статью Шагинян о Рахманинове в Тр[удах] и дн[ях]¹². Эта азиатка попала в точку, выстрелила в самое сердце модернизма и, в сущности, сама того не подозревая, подпевает Вам, конечно, проштудировав мою книгу. Отсюда (если присоединить мой музыкальный дневник¹³) мы мобилизовали в Тр[удах] и дн[ях] опять несколько полков против музыкальных распадников. — В Рахманинове происходит весьма болезненный, по-видимому, кризис; он внезапно вырос духовно и куда-то понесся (пока в качестве исполнителя), но, к сожалению, этот кризис связан у него со странным физическим упадком. Доктора отправили его на юг.

Находите ли Вы приличным и уместным, чтобы Эмилий Метнер в маленьких статьях под заглавием **Отзвуки и грани**¹⁴ (предположительно) коснулся вопроса о дионисизме и попутно затронул сказанное Вами в *Marginalia* не в опровержение (где мне бороться с Вами филологически!), а в извинение Мережковского и Вольфинга... Обращаю внимание на Ваши необычайно меткие слова о «правом» и «неправом» безумии, ниспосылаемом Дионисом (в статье о Стиле). Так как это письмо вышло нечаянно совсем «эготическим», то я закончу его о своем «я». Мод[ернизм] и муз[ыка] интересует меня лишь как метла; мне было бы жаль потраченных времени и денег, если бы книга оказалась плохой метлой; но «меня» в этой книге почти нет; не только нет ни «манеры», ни «лица», ни «стиля», нет даже намека на что-либо мое; случайность моего литературства (случайность для меня лично; вообще-то это, конечно, не случайность) очевидна; я совершенно не в состоянии хотя бы отчасти отобразить свое в слове; между тем это свое просится тем сильнее наружу, чем более я тревожу чтением и попыткой писать глубину своей души. Вздываются волны и гонятся из глубины к выходу, но выход этот (литература) оказывается (при моей бессловесности) слишком узким, тесным; через него проходит только верхняя водянистая пена, а *essentia*, густота запруживается, отхлынивает назад, и я мучительно варюсь в собственном соку. Оттого мое писательство есть невыразимое страдание и только. И по временам мне кажется, что я должен бросить читать, писать, думать, если не хочу помешаться. Но опять, если все это бросить, то что же делать; и наконец, механизм деятельности заведен, его не остановить без риска повредить немеханизированную сердцевину личности. Как все это произошло и почему — долго рассказывать. Между 20 и 30 гг. я страдал астмой и совершенно не развивался, не осознавал себя и, кроме необходимого для университета, ничего почти не читал. Только после 30 лет во мне проснулось его¹⁵, и я ужаснулся, увидев, что это его родилось в склепе и день его рождения есть день его погребения заживо. Это не жалкие и страшные слова, а точная формула моего переживания. С 20 до 30 я только и делал, что умирал, обмирал и замирал; ощущение смерти, ужас перед нею и преодоление этого ужаса, перегиб его к блаженству, к космической радости — знаком мне по неоднократным опытам. *Stirb und Werde*¹⁶ — хорошо, но *Stirb tausend mal und Werde doch nicht, doch zu Nichts*¹⁷ — этого я не пожелал бы величайшему недругу! М[ожет] б[ыть], я не сумел зараз умереть и умирал по

столовой ложке в день; принял не благодетельный яд, разбавленный в ведре в паллиативное лекарство; м[ожет] б[ыть], я не сумел «стать», ожить, а только играл в Ваньку-Станьку, становился, приходил в оживление. Я достаточно горд, чтобы не искать причины своего убожества только во внешних обстоятельствах (о которых долго рассказывать), и готов признать себя за плохого ковача своей неудачливой судьбы, но отсюда найти и вывести регулятивный принцип своего дальнейшего поведения не в состоянии. Поверьте, я вовсе не Гамлет из Траханеева на Клязьме; о если бы я мог быть только созерцателем! Сейчас я обеспечен материально, живу в уюте; хороший письменный стол, кругом книги; в часы отдохновения мои самые близкие Коля, Анюта¹⁸ со мной; чего же, казалось бы, больше? Живи, читай, «редактируй», сам пиши понемногу! О если бы я был только созерцателем! Но это был бы рай! А я обречен к аду. И этот ад есть моя напружинившаяся и запруженная активность, которая разрывает меня изнутри на части, которая делает то, что я самоотравляюсь собою, что начало творческое, жизнь вызывающее, дающее плоды превращается во мне в начало разрушительное и жизневраждебное¹⁹. Вы понимаете, что младшие мои товарищи Бугаев, Эллис, Петровский этого не в состоянии постичь по разным причинам. Вам я это пишу отчасти под влиянием только что пережитого припадка отчаяния (одного из тысячи и одного), отчасти же во внимание к «дионисизму», отмеченному во мне Вашей рецензией²⁰, а также памятуя один наш разговор на башне, когда Вы сказали, что я слишком натянутая струна. Примите сказанное только как вырвавшийся стон младшего, обращенный к старшему (ибо Вы один из друзей — старше меня), и ответьте только как Тарас Бульба — «слышу» - - -.

Если бы Вы знали, до чего я не только плохой писатель, но и слабосильный читатель! Я читаю невероятно медленно и нудно и чем дальше, тем все хуже. Поэтому я даже бездарно не в состоянии развить и фундировать своих тем.

До свидания! Пишите, когда будет время! Надеюсь, что Вы много наработаете в Риме и года через два можно будет подумать об издании собрания Ваших сочинений. Если к тому времени Мусагет не иссякнет, то, надеюсь, это издание Вы предложите Мусагету²¹. А пока до свидания еще раз. Крепко жму Вашу руку и прошу, не обессудьте за нытье!

Любящий Вас Э. Метнер.

Привет Вашим.

¹ Стихотворение А. Белого «Старинный друг» (1903), посвященное Э. К. Метнеру (Андрей Б е л ы й, Золото в лазури, М., 1904, с. 138—144). Ему посвящено также стихотворение А. Белого «Золотое руно» (1903) (Андрей Б е л ы й, Сочинения в 2-х томах, т. 1, М., 1990, с. 47—48).

² Ни в одной из четырех «симфоний» А. Белого Э. К. Метнер ни как персонаж, ни как прототип не фигурирует (за исключением, быть может, отдельных черт того или иного персонажа). Зато один из персонажей «Петербурга» — «недоповесившийся» подпоручик Сергей Сергеевич Лихутин, особенно в сцене после «обрития», — списан, несомненно, с Э. К. Метнера. Ср. сцену «обрития» Лихутина (Андрей Б е л ы й, Петербург, Л., 1981, с. 320—321) и «обритие» Э. К. Метнера, «свершившееся» в 1909 году (Андрей Б е л ы й, Между двух революций, М., 1990, с. 419).

³ «Арабески», упомянутые в начале этого абзаца, — не знаменитая книга А. Белого, а его статья «Круговое движение (Сорок две арабески)» («Труды и дни, 1912, № 4-5, с. 51—73), в которой содержатся резкие нападки на неокантианство. Особенно выразительны в этом отношении 9-я и 10-я «арабески», где А. Белый пишет: «<...> сознание, составленное из суммы неокантианских сознаний, идиотично до очевидности <...>».

Новокантианец, коллективно составленный из в отдельности взятых остроумных и вполне разумных людей, есть именно такое чудовище: смесь младенца со старичком — ни ребенок, ни муж, а гадкий мальчишка, оскотинившийся до наступления зрелости и потом удивившийся, что у него не растет бороды. Этот веселый бесстыдник — ф и л о с о ф и с т и к, ф и л о с о ф у т и к — чрезвычайно начитан и мозговит.

Но он — совершеннейший идиот» (с. 56—57).

Корректурa статьи А. Белого стала известной Б. В. Яковенко (который, как и остальные редакторы журнала «Логос» Ф. А. Степун и С. И. Гессен, — именно его имел в виду А. Белый, когда писал о «философутике», у которого «не растет бороды», — формально являлся полноправным членом издательства «Мусагет») и вызвала его возмущение. Особенное негодование Б. Яковенко вызвало то обстоятельство, что незадолго перед тем А. Белый наложил свое редакторское veto на его статью «Философское донкихотство», в которой содержалась резкая критика книги Бердяева «Философия свободы» (М., 1911). Эта статья Б. Яковенко так и не была опубликована в «Трудах и днях», а лишь через год — в «Северных записках» (1913, № 10).

Э. К. Метнер, высоко ценивший философский талант Б. Яковенко, в этом конфликте — вполне объективно — принял его сторону.

«Письмо» Ф. Степуна — «Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» — было опубликовано в том же номере «Трудов и дней» сразу же после «арабесок» А. Белого (с. 74—86). Некоторые резкие выражения этого письма в свою очередь возмутили А. Белого, и в 6-м номере «Трудов и дней» он «реваншировался» своим «Ответом Ф. А. Степуну...» (с. 16—26).

В одной из «арабесок» А. Белого — в 37-й — содержался намек, который был понятен только Э. К. Метнеру и который, по-видимому, глубоко затронул его лично: «...Т р е г е р о в Заратустра бы назвал верблюдами.

По прочтении З а р а т у с т р ы мы должны проклясть Заратустру или стать дерзновеннее самого Заратустры, чтобы тучею голубей из грядущего низлететь к нему в грудь. Мы же Г о л у б я гоним» («Труды и дни», 1912, № 4-5, с. 71).

«Арабеска XXXVII, — писал Э. К. Метнер в своем письме к А. Белому

от 17/30 ноября 1912 года, — содержит точку над i: — — — «Мы же голубя гоним». Мы — «культуртрегеры»; гонение голубя — мой сон, который я неосторожно рассказал; «культуртрегер» — мой титул с 1907 г.» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 6. Л. 44).

⁴ В № 4-5 «Трудов и дней» (1912) на последней, 149-й странице было помещено объявление «От редакции»: «Андрей Белый намеревается остаться за границей на неопределенное время; поэтому, сохраняя за собой права и обязанности члена литературного комитета издательства Мусагет, он вынужден отказаться от редактирования Трудов и Дней, так как эта работа издалека, в особенности при частых переездах, сопряжена для него с большими внешними неудобствами».

⁵ Отец Э. К. Метнера Карл Петрович Метнер (1846—1921) — один из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика».

⁶ См. прим. 8 к письму 5.

⁷ См. прим. 1 к письму 9.

⁸ См. прим. 10 к письму 8.

⁹ Леонид Леонидович Сабанеев (1881—1968) — композитор и музыкальный критик, много писавший о Скрябине.

¹⁰ Валериан Адольфович Чудовский (1891—1938?) — критик.

¹¹ То есть о статье Э. К. Метнера (Вольфинга) «Лист» («Труды и дни», 1912, № 1).

¹² Статья М. Шагинян «С. В. Рахманинов (Музыкально-психологический этюд)» была опубликована в «Трудах и днях» (1912, № 4-5, с. 97—114). В своих «Воспоминаниях о С. В. Рахманинове» она подробно рассказывает об этой своей публикации и о знакомстве с Э. К. Метнером, перешедшем в тесную дружбу со всем семейством Метнеров, в доме которых она подолгу жила в 1912—1916 годах. См.: «Воспоминания о Рахманинове», т. 2, с. 107—108; Мариэтта Шагинян, Человек и время. История человеческого становления, М., 1980, с. 532—536.

В свою очередь Э. К. Метнер очень ценил М. Шагинян. В письме к В. Пашуканису от 5 мая 1915 года (из Цюриха) он писал о ней: «Ее сотрудничество (с идейной точки) крайне желательно. Она вполне «мусагетичка», более нежели кто-либо. Кроме того, она обладает ценным свойством уметь посредничать. Она популяризует то, что другие способны только уложить в непонятную для толпы форму. Ее сотрудничество может оказаться для Мусагета и коммерчески выгодным, т. к. ее книги быстро распродаются среди армян; своей популярности она помогает тем, что пишет фельетоны в распространенных южных газетах» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 3. Ед. хр. 13. Л. 8).

¹³ Имеется в виду статья Э. К. Метнера (Вольфинга) «Из музыкального дневника» («Труды и дни», 1912, № 4-5, с. 115—120), посвященная проблемам исполнительского мастерства (в частности, Рахманинова).

¹⁴ Статья Э. К. Метнера с таким названием в «Трудах и днях» не печаталась. «Извинение Мережковского и Вольфинга», о котором упоминается ниже, вызвано следующим местом из статьи В. И. Иванова:

«Вольфинг вспоминает знаменитые стихи:

Другой, женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон, — лживый, но прекрасный...

И, соблазненный именно лже-дионисийством модернизма, относит их к Дионису, повторяя прискорбный промах Д. С. Мережковского (в его монументальной для своей эпохи книге «о Толстом и Достоевском»), интерпретации которого все почему-то твердо поверили; пользуюсь случаем, чтобы восстать против этого важного по последствиям недоразумения.

Пушкин не называет по имени женообразного и сладострастного

идола... Но так как первым из двух соблазнительных <...> кумиров <...> назван Аполлон, то Мережковский немедленно заключил (на основании книги Ницше о Трагедии), что другой бес — обязательный коррелат Аполлона, Дионис.

Но о таком соответствии до Ницше никто не знал, кроме древних дельфийских жрецов. Слово «женообразный» мы обычно употребляем о мужчине, похожем на женщину. В стихе Пушкина оно взято в смысле: «имеющий образ женщины». Итак, идол или бес, о коем идет речь, был демон, принявший обличие женское. Речь идет, очевидно, о Frau Venus... Ясно, что юношу эпохи Данта, по замыслу Пушкина, исторически глубоко верно, прельщали <...> два искушения: <...> Аполлон и Венера. Любопытно, что Мережковский не узнал у Пушкина собственной «белой дьяволицы» («Труды и дни», 1912, № 4-5, с. 40—41).

¹⁵ Я (лат.).

¹⁶ Умри и стань (возродись) (нем.) — знаменитый призыв Гете из стихотворения «Блаженное томление». Ср. поэтический перевод Н. Н. Вильмонта:

И доколь ты не поймешь:
Смерть для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой.

(Иоганн Вольфганг Гете, Западно-восточный диван, М., 1988, с. 19).

¹⁷ Тысячу раз умри и ни разу не возродись, останься ничем (нем.).

¹⁸ К о л я — брат Э. К. Метнера композитор Н. К. Метнер; А н ю т а — Анна Михайловна Метнер (урожд. Братенши; 1877—1965) — скрипачка, жена Э. К. Метнера, а затем — Н. К. Метнера.

¹⁹ Лейтмотив почти всей жизни Э. К. Метнера. Среди материалов к воспоминаниям, которые он собирался написать, но так и не написал, имеется такая запись: «Существует некий закон, по которому человек, имеющий что-либо сказать или сделать и не выполняющий этого — все равно, по зависящим или независящим от него обстоятельствам, — лишается на все то время, пока он, хорошо ли, плохо ли, — все равно, не выполнит предназначенного [ему] большого дела своего, способности воспринимать и общаться <...>. Другими словами, он просто зря потерял время. Этот суровый закон я вынужден был испытать на себе» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 15. Ед. хр. 1. Л. 48).

²⁰ В своей рецензии на «Модернизм и музыку» В. И. Иванов отметил, что Вольфингу, испытывающему священный ужас перед Дионисом, «ничего другого не остается, как искать спасения у жертвенника Аполлонова» («Труды и дни», 1912, № 4-5, с. 39).

²¹ Можно привести, наверное, сотни «социально-политических» и всяких прочих объективных причин, в силу которых издание собрания сочинений В. И. Иванова не было и не могло быть осуществлено «Мусагетом». Но самое поразительное — резкое изменение Э. К. Метнером своего отношения к старшему другу во время войны. В письме к В. Пашуканису от 5 мая 1915 года он писал: «Вячеслав Иванов должен быть «ликвидирован» безусловно; обе его книги («Борозды и межи» и «Эллинская религия страдающего бога». — В. С.), раз их нельзя сбыть другому издательству (напр., Сабашникову) (куда и была сбыта, вероятно, усилиями Пашуканиса, «Эллинская религия...». — В. С.), должны быть, конечно, напечатаны, но дальнейшему участию его в Мусагете должен быть положен предел» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 13. Л. 5).

Объяснить такое резкое изменение отношения Э. К. Метнера к

В. И. Иванову можно только одной причиной. Дело в том, что Ядвига Фридрих, финансировавшая издательство «Мусагет», выставила по отношению к нему два требования: его направление «должно быть германофильское (в широком неполитическом, нефанатическом, культурном смысле слова) и отнюдь не враждебное Вагнеру» (см.: Андрей Белый, Между двух революций, с. 539). Между тем с самого начала войны В. И. Иванов из германофила, каким был всю жизнь, превратился в германофоба и англофила, о чем свидетельствуют его статьи из сборника «Родное и вселенское» (М., 1917), особенно «Вселенское дело» (1914) и «Россия, Англия и Азия» (1915). Как таковому, ему больше не было места в «Мусагете».

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

Рим 4 мая 1925

Глубокоуважаемый и дорогой Эмилий Карлович,

Эти, конечно, неожиданные для Вас несколько строк имеют исключительною целью предварительную разведку: действительно ли обитаете Вы в Цюрихе и даже продолжаете вести издательство — ужели «Мусагет» жив?! — как мне сказали брат Ваш и другие в Москве этим летом¹, — и сохранили ли добрую память о Вашем старинном приятеле и сотруднике? Если да, правильно, дайте о себе весть, как Вы живете и «о чем» живете, — после чего расскажу Вам все и о себе в той мере и пределах, в каких Вы пожелаете быть обо мне осведомленным. Теперь же лишь вкратце скажу, что с 1920—1924 жил я в Баку, где можно было еще занимать кафедру классической филологии на ист[орико-] фил[ологическом] факультете университета и где напечатал я большую специальную книгу «Дионис и прадионисийство»², с осени же, получив наконец заграничную научную командировку, обитаю в Риме с 12-летним сыном и с дочерью, кончающей фак[ультет] композиции³ (Моск. консерваторию по фортепьяно она уже давно кончила у Гольденвейзера⁴) и много музыки сочиняющей (жаль, что Вы далеко!)... В Россию же решил не возвращаться.

Итак, пока умолкаю, в ожидании отклика, храня в душе к Вам неизменно те же, прежние чувства глубокой сердечной нежности и духовного созвучия.

Вячеслав Иванов.

Адрес: via Quattro Fontane, 172,
III piano (presso Placidi) Roma (5).

¹ То есть летом 1924 года; из России В. И. Иванов выехал 28 августа, несколько дней он провел в Берлине, затем через Венецию и Флоренцию прибыл в Рим.

² О пребывании В. И. Иванова в Баку см.: Н. В. Котрелев, Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета («Труды по русской и славянской филологии», XI. Литературоведение. — «Ученые записки Тартуского гос. университета», вып. 209, 1968).

Книга В. И. Иванова «Дионис и прадионисийство» была издана в Баку в 1923 году.

³ Сын В. И. Иванова (по браку с В. К. Шварсалоном) — Дмитрий Вячеславович (р. 1912). Дочь (по браку с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал) — Лидия Вячеславовна (1896—1985); ее некролог см.: «Новый журнал», 1986, № 162. В Московскую консерваторию Л. В. Иванова поступила в 1913 году.

⁴ Александр Борисович Гольденвейзер (1875—1961) — пианист, композитор и педагог, с 1906 года проф. Московской консерватории по классу фортепьяно.

16

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

6 июля 29
6 ч. вечера

Дорогой Эмилий Карлович,

Какою нечаянною радостью было мне только что получить Ваше письмо! И представьте себе, что только 3 часа тому назад я, по случаю отсылки одной своей рукописи для перевода, писал Нессельштраусу, прося его Вам кланяться и выхлопотать у Вас две строчки в знак, что Вы меня помните и на меня не сердитесь: Ваш психический телеграф решительно превосходнее общепринятого, электрического! Мне до смерти хочется с Вами увидеться. Когда соберетесь в Италию, у меня есть в Риме, кто похлопочет о визе. Но сам я жду со дня на день швейцарских виз для себя и дочери, по получении коих мы с ней намерены немедленно ехать к моему сыну (ее брату) в Давос, где уже с год почти он живет в санатории¹. Я рассчитываю пробыть с ним в Давосе с половины июля до половины сентября: как бы нам с Вами за это время встретиться и поговорить о всем, чем мы духовно живем, да и о былом вспомнить? Хотелось бы мне показать Вам и свою дочь, как композитора². Предстоящее, относительно близкое соседство являет мне эту надежду осуществимою, когда буду в Давосе (после 15-го июля), — быть может, мы спиемся о встрече; дочь должна заехать за мною из Рима в Павию, чтобы продолжать путешествие вместе, адрес же мой здешний — адрес постоянный, и все письма будут пересланы мне отсюда и после мо-

его отъезда... Как весело, что я опять с Вами, хотя еще и не с глазу на глаз, беседую!.. Итак, Мусагет — жив?!! *Eis polla eie*³. Но ведь мы до такой безвестности друг о друге по миру рассеяны, что ничего нельзя предполагать известным о себе другому. Но если Мусагет жив (а что он жив взаправду, вижу из того, что Вы, совсем как во времена былые, спрашиваете у меня, «что бы я сказал, если бы увидел среди мусагетских книг» то или другое), то, ради олимпийского Мусагета, считайте меня своим и верным (*nunquam enim abjurari*), *pove pomen meum albo credito*⁴, я же готов опять и литературно реализовать неизменность моего идеального отношения к той культурной ориентации, которой я так много обязан в своей литературной деятельности, ибо только благодаря ей мог окончательно утвердить свое понимание и свой тип символизма, — и да здравствует *palingenesis*!..⁵

Что же до Вашего вопроса, — Léon Daudet, «Le Monde des Images», я не читал, а коли Вы открыли современного La Bruyère⁶, остается только поздравлять Мусагет с таким открытием: это очевидно... Но я должен признаться в своей полной неосведомленности о Юнге и его психологической школе, в которой Вы, по-видимому, нашли нечто очень ценное: хотел бы надеяться, что Вы посвятите меня в ее мистерии. Ибо ни годы, ни отказ от прежнего дилетантизма в религиозной области не отняли у меня ни былой любознательности (лучше сказать: бывшего любопытства), ни, с другой стороны, *Wagemut zu träumen, Lust zu fabuliren*... Basta!⁷ В светлом уповании на палингенесию нашего дружеского союза, обнимаю Вас, дорогой Эмилий Карлович!

Ваш сердечно неизменный

Вячеслав Иванов.

¹ Дмитрий Иванов с лета 1928 года находился в католическом санатории «Альбула» в Давосе. Подробнее см.: Лидия И в а н о в а, Воспоминания. Книга об отце, М., 1992, с. 214—217.

² О Л. В. Ивановой как композиторе см.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. IV, с. 704—712.

³ О, если б так было (греч.).

⁴ (Никогда не изменявшим присяге), снова имени моему окажите доверие (лат.).

⁵ Возрождение, воскресение из мертвых (греч.).

⁶ Жан де Л а б р ю й е р (1645—1696) — французский писатель, сатирик-моралист, автор книги «Характеры или нравы нашего века» (1688).

⁷ Смелость в мечтах, страсть к сочинительству... Довольно! (нем.).

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

Davos-Dorf
Pension Erika
23 июля' 29, утро

Дорогой Эмилий Карлович,

Ответное письмо Ваше больно меня разочаровало — прежде всего тем, что свидание наше представилось мне отсроченным *ad Calendas Graecas*¹. Но открытка, полученная вчера вечером через Павию, опять воскресила некоторую надежду на это свидание, и мне остается только благодарить Вас за милое желание Ваше посетить меня в Давосе, которое само по себе меня глубоко тронуло как знак Вашего живого ко мне благорасположения, а если бы эта мысль, при благоприятных для меня обстоятельствах, нашла себе осуществление, я был бы прямо счастлив и бесконечно Вам признателен. Если есть к тому какая-либо возможность, не ленитесь, дорогой друг, предпринять эту небольшую экскурсию, которая, быть может, душевно освежит нас обоих, мне же во всяком случае будет большою, глубокою и благотворною радостью. В Давосе думаю я пробыть до половины сентября; лучше было бы увидеться теперь же (ибо грядущее *liegt im Scheune der Götter*²), и остановиться Вы могли бы, примерно, в том самом пансионе «Erika» (в Davos-Dorf'e близ санатория Guardaval), где прожили мы с дочерью эту неделю (цена, при коротком пребывании, 9 фр. + 10% *für* Bedienung³, мы им довольны). С четверга мы с дочерью берем комнаты без пенсiona в «Haus am Berg», где живет мой сын, п[отому] ч[то] разрешено обедать и ужинать в самой санатории вместе с моим сыном. Расстояние же от Erika до Haus am Berg (или, что то же, до Albula) всего 5 минут. Есть еще хороший пансион Sonnenberg вблизи от Haus am Berg, — там немного дороже, чем в Erika. Писать с пятницы можно уже в Haus am Berg, но там меня еще не все знают. Сообщив Вам эти сведения, цель коих облегчить по возможности осуществление моей мечты о встрече с Вами теперь же, — обнимаю Вас в мечте заранее и упрямо исповедую свою веру в *palingenesia*!

Ваш сердечно

Вяч. Иванов.

¹ До греческих календ (лат.), то есть на неопределенный срок, так как греки не знали календ.

² Сокрыто у Бога; букв.: лежит в хранилище у Бога (нем.).

³ За обслуживание (лат.).

18

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

[31.VII.29]

— орогой Эмилий Карлович,
приезжайте и остановитесь в пансионе Sonnenberg, рядом почти с нами, и если уведомите о дне и часе приезда, я встречу Вас на вокзале Davos-Dorf. С надеждой и нетерпением ждем Вас,

Ваш Вяч. Ив[анов]¹.

¹ О приезде Э. К. Метнера в Давос и о его встрече с В. И. Ивановым подробно рассказывает Л. В. Иванова. См.: Лидия И в а н о в а, Воспоминания. Книга об отце, с. 217—218.

Судя по дате следующего письма, Э. К. Метнер приехал в Давос в первых числах августа 1929 года.

19

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

Четверг 8 авг[уста]

— орогой Эмилий Карлович, вероятно, под Вашими гетеанскими чарами, сегодня, на другой день после разлуки с Вами, получил я из Москвы, от Гос. Издательства, заказ на поэтический перевод ряда стихотворений Гете, между прочим «Прометея» (и это очень срочно) и четырех книг «Дивана»¹. Не будучи в состоянии отыскать «Прометея» в маленьких изданиях сочинений Гете, которые здесь под рукой, и т. к. эта работа очень спешная, надумал спросить Вас, пока Вы еще в Цюрихе, нет ли у Вас (или Нессельштрауса) возможности выслать драм[атический] фр[агмент] «Прометей» мне? Обнимаю нежно и думаю все о Вас.

Вяч. Ив[анов].

¹ Перевод незавершенной драматической поэмы И. В. Гете «Прометей», осуществленный В. И. Ивановым, см.: Г е т е, Собр. соч. в 13-ти томах, т. 2. М.—Л., 1932, с. 77—95.

Перевод четырех книг «Западно-восточного дивана» Гете — один из неосуществленных замыслов В. И. Иванова. Оба перевода были заказаны ему, по-видимому, для готовившегося в Советском Союзе издания собрания сочинений Гете к 100-летию со дня его смерти.

До 1935 года (то есть до перехода в итальянское гражданство) В. И. Иванов продолжал сотрудничать (более или менее успешно; скорее

все-таки безуспешно) с советскими издательствами (см.: Лидия И в а н о в а, Воспоминания. Неизданные письма Вячеслава Иванова. — «Минувшее», 3, М., 1991, с. 45—77).

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

22/IX/'29

Дорогой Эмилий Карлович,

Когда начинаю сокрушаться сердцем о тяжелой вине моего молчания, длящегося чуть не со дня нашей разлуки в Давосе, эта постыдная вина чудовищно вырастает в моих глазах пропорционально количеству накопившихся с того дня великодушных и дружеских дел Ваших, за которые я обязан Вам величайшею признательностью. Как измеряется для меня тяжесть этой вины, Вы усмотрите из перечня испытанных мною, но, увы, не выраженных эмоций благодарного чувства — за... :

1) за грудку присланных мне в Давос книг, которыми я интенсивно воспользовался там и которые оставил там же, у моего сына (Demetrius Ivanov, Sanatorium Albula, Davos-Dorf) и будут Вам высланы в Цюрих по первому требованию,

2) за присланные мне в Давос по Вашей просьбе госпожою Rühler томики Гете, возвращенные мною перед отъездом и, я надеюсь, дошедшие благополучно по назначению, вместе с моим благодарственным письмом,

3) за Ваш маленький Meisterwerk¹ — «Meister Nikisch», — превосходно написанную, прямо классическую работу,

4) за полученную мною книгу «Психологические типы», прекрасно изданную и вовсе не плохо (несмотря на Ваше суровое, помнится, осуждение перевода) переведенную², но глубоко мне не нравящуюся — всем: и рапсодическим настроением, и ненужными, по существу, дилетантскими дигрессиями и экскурсами, и неопределенностью изложения основной теории, и абсолютистическим (в своем нигилизме) покушением свести все, безостаточно, на одну психологию, и — наконец — (это уже верх авторской hybris³) своею проповедью (правда, книга о Libido⁴ еще weitschweifender und... frecher!⁵),

5) за посылку для моей дочери, которая пишет Вам сама⁶,

6) за переписку обо мне с Petropolis, куда я сам еще не писал: придется, следовательно, отказаться от радости про-

снуться после долгой спячки под знаменами дружественного Мусагета, т. е. отказаться от его марки и принять условия Петрополиса⁷,

7) за постоянное и памятлиное внимание и участие вообще, за добрые письма и верную дружбу.

Из моего протеста против Юнга не делайте вывода, что я осуждаю выход «Псих[ологических] типов» под маркою Мусагета. Считаться с Юнгом стоит, и Мусaget еще выяснит окончательно со временем свое отношение к его теориям, независимость коего уже и в предисловии слегка намечена. Шпиттелер мне так не понравился, показался столь анти-художественным, и ритм его прозы (особенно ритм!) столь фальшивым, что я не мог дочитать «Прометея» до конца⁸. А Meyrink понравился, судя по началу, но дочитать его не было времени⁹: можно его выписать сюда от Димы? И еще «Иогу»?¹⁰ —

Обнимаю Вас, дорогой друг, нежно. Спешу отослать это письмецо в Montmorency¹¹, чтобы оно еще Вас там застало. Черкните из Цюриха, куда буду писать.

Любящий Вас и благодарный Вяч. Иванов.

«Прометея» (Гете, драм.) я перевел в Давосе, и кое-что другое, и уже отослал. Лидия работает над новым заказом («Кантата о Хлебе»¹²). Она в Риме. Дима в Давосе, all right¹³. О Раевском еще поговорим¹⁴. Я также думаю, что романтики — внутри обращенные типы, в противоположность классикам.

¹ Шедевр (нем.). Книга Э. К. Метнера, изданная в 1929 году в Цюрихе на немецком языке и посвященная творчеству венгерского композитора и дирижера Артура Никиша (1855—1922).

² Книга К. Г. Юнга, изданная под маркой «Мусaget» в Цюрихе в 1929 году (в пер. С. Лорие).

³ Наглость, гордыня, «надмение» (греч.).

⁴ Имеется в виду работа К. Г. Юнга «Wandlungen und Symbole des Libido» («Метаморфозы и символы либидо»), 1912.

⁵ Дальше заходящая и... наглая (лат.).

⁶ Три письма Л. В. Ивановой (1929—1932) к Э. К. Метнеру хранятся в архиве последнего: ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 12.

⁷ Переписка Э. К. Метнера с «Петрополисом» (русским книгоиздательством в Берлине) касалась, по-видимому, вопроса о возможности издания сочинений В. И. Иванова под маркой «Мусагета». Очевидно, Э. К. Метнер получил из «Петрополиса» отрицательный ответ.

⁸ Карл Ш п и т т е л е р (1845—1924) — швейцарский писатель, лауреат Нобелевской премии (1919). Речь идет о его поэме «Прометей-страдалец» («Prometheus der Dulder», Zürich, 1924).

⁹ Густав М а й р и н к (1868—1932) — австрийский писатель; возможно, речь в письме идет о его романе «Ангел Западного окна», изданном в 1927 году (рус. пер.: СПб., 1992).

¹⁰ Трудно сказать, о какой «Йоге» идет речь. Быть может, это: O. S c h m i t z, Psychoanalyse und Joga, Darmstadt, 1923, на которую ссылается Юнг (Карл Густав Ю н г, Архетип и символ, М., 1991, с. 219), или книга Hauer'a «Der Joga als Heilweg», цитируемая Б. П. Вышеславцевым (см.: Б. П. В ы ш е с л а в ц е в, Вечное в русской философии, Нью-Йорк, 1955, с. 157).

¹¹ М о н м о р а н с и — пригород Парижа, где жил в эти годы Н. К. Метнер.

¹² Подробнее об этом заказе см.: Лидия И в а н о в а, Воспоминания. Книга об отце, с. 223—224.

¹³ Все в порядке (англ.). Имеется в виду состояние здоровья Димы.

¹⁴ Г. А. Р а е в с к и й (псевдоним «одного из бесчисленных братьев Оцупов», по выражению Э. Голлербаха) — поэт, входивший в «Союз молодых поэтов» в Париже и литературную группу «Перекресток» (издававшую альманах с тем же названием), психоаналитик, пропагандист учения К. Г. Юнга.

21

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

18 декабря '30

Дорогой Эмилий Карлович,

По обыкновению приходится мне в начале каждого дружеского письма виниться в своих тяжких грехах по переписке: mea maxima culpa¹, но занят был я в самом деле по самое горло. Не знаю, как и благодарить Вас за превосходную высоко ценную — и высоко лестную! — глубоко содержательную и существенную статью Вашу о «Русской идее», — тем более что она стоила Вам двойного труда (создание и воссоздание!), — труда, который так испугал меня, что я, пожалуй, не нашел бы в себе мужества восстановить потерянного, по непростительной оплошности редакции, текста (опасность, впрочем, всегда мне грозящая, при моей, б[ыть] м[ожет] совпадающей с Вашею, манере работать, переделывая написанное до последней чистовой копии и уничтожая все искания окончательной формы!²). Как бы то ни было и несмотря на заметные редакционные урезки, статья имеет разве лишь благородный недостаток тесноты мыслей на прокрустовом, хотя и обширном, ложе двух фельетонов. Но этот «недостаток» ведь мой собственный, постоянный и в моем случае неоправдываемый даже редакционной тиранией, — а, следовательно, в какой-то мере близкий и милый мне, по человеческой слабости, заставляющий нас немного любить наши собственные несовершенства. Другими словами, это в моих глазах вовсе не недостаток. Статья Ваша одна из тех относительно редких критик, которые заставляют серьезно задумываться самого автора. Мою брошюру серьезно оценили в печати только Вы да

иезуит Muckermann (в «Graal»). Разумеется, она ничем (как Вы, кажется, опасаетесь?) не могла меня «затронуть». За размежевку со славянофилами я даже Вам благодарен. Пожалуй, я тоже славянофил, но уже «совсем иного сорта», — и был бы ими обязательно отлучен от их общины. Проблема же христианства — *сгух mystica*³ моего проблематичного патриотизма, который нехристианскую Россию органически не приемлет и жив лишь покуда и поскольку теплится неугасимая лампада в ней «на перепутье темном всех ветров»...

Случайно, только что получил от моего «Jünger»⁴, как Вы его дразните, из Парижа второй «Перекресток»⁵ и очень доволен Вашим Раевским⁶ с его «Голландской печкой». Это замечание переводит мою речь на стихи. Напечатать что-либо у милых Рахманиновых (которым, виноват, я ничего не писал до сих пор!) мне очень затруднительно — потому, что за это обидятся на меня те парижане, которым я в этом всегда упрямо отказывал. Не издает ли «Таир»⁷ мой сборник стихов? М[ожет] б[ыть], я дал бы им для отдельного издания «Человека», п[отому] ч[то] нельзя больше столь целостно выражающей мое мистическое мирозерцание поэме лежать у меня в «портфеле»⁸. Или же большой сборник «Чистилище»⁹. Если бы я таким образом с ними ближе сошелся, можно было бы этим оправдать и появление на страницах их альманаха одного моего стихотворения (написанного в Павии), которое при сем на всякий случай прилагаю (оно войдет в «Чистилище»). Прибавляю и «Палинодию», цитированную в статье Голенищева-Кутузова¹⁰.

Напишите мне, дорогой друг мой, о своем здоровье — как же Вы, наконец, теперь себя чувствуете? И о своей жизни вообще. Что Ваш друг Jung?..

Желаю Вам радостных праздников и счастливого, спокойного и плодотворного Нового года.

Любящий и благодарный

Вяч. Иванов.

Если напишете, обещаюсь торжественно сейчас же дать отповедь и наболтать Вам в три короба. *Pour le moment, je ne suis harassé et harcelé mille soucis*¹¹.

¹ Моя большая вина (лат.).

² Речь идет о статье В. И. Иванова «О русской идее» (из книги «По звездам», СПб., 1909) и о рецензии на нее (точнее, на ее нем. перевод) Э. К. Метнера в швейцарской газете «Neue Zürcher Zeitung».

«Двойной труд», упомянутый В. И. Ивановым, вероятно, заключался

в том, что Э. К. Метнер сам перевел на немецкий язык тот «утерянный текст», о котором сожалеет В. И. Иванов.

³ Мистический крест (лат.).

⁴ Апостол, ученик, последователь (нем.). Возможно, речь идет об Илье Николаевиче Голенищеве-Кутузове (1904—1969), который 25 января 1930 года в «Союзе молодых поэтов» в Париже прочитал доклад «Лирика Вячеслава Иванова», опубликованный в «Современных записках» (1930, № XLIII, с. 463—471). Подробнее о Голенищеве-Кутузове см.: Лидия И в а н о в а, Воспоминания. Книга об отце, с. 406; Д. В. И в а н о в, Вячеслав Иванов и Илья Голенищев-Кутузов («Russia-81. Литературный сборник», Нью-Йорк, 1982, с. 379—387).

⁵ Имеется в виду второй выпуск альманаха «Перекресток».

⁶ О Раевском см. прим. 14 к письму 20.

⁷ Парижское издательство, учрежденное С. В. Рахманиновым, специализировавшееся в основном на книгах, посвященных музыке и творчеству отдельных композиторов. В частности, под издательской маркой «Таир» вышли книги: Л. Л. С а б а н е е в, С. И. Танеев. Мысли о творчестве и воспоминания о жизни, 1930; Н. К. М е т н е р, Муза и мода, 1935.

⁸ «Мелопея» В. И. Иванова «Человек» была издана в 1939 году парижским издательством «Дом книги». См.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. III, Брюссель, 1979, с. 195—242, 737—743.

⁹ Сборник В. И. Иванова под таким названием не был напечатан. Стихотворение «Чистилище» впоследствии вошло в книгу «Свет вечерний», Oxford, 1962 (т а м ж е, с. 548). Замысел издать сборник под названием «Чистилище» возник у В. И. Иванова еще в Москве (см.: т а м ж е, т. I, с. 207).

¹⁰ К письму приложены два стихотворения В. И. Иванова: «Собаки» и «Палинодия» (опущенные в настоящей публикации), которые впоследствии вошли в книгу «Свет вечерний» (см.: т а м ж е, т. III, с. 553—554). Разночтения незначительные; в письме В. И. Иванова относительно стихотворения «Палинодия» указано: «Итальянский перевод — Frontespizio, Settembre 1930».

¹¹ Сейчас я не измучен и не обременен множеством забот (франц.).

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

Павия, 4 марта '32

Дорогой Эмилий Карлович,

За кого Вы меня почитаете? За какого мага и волшебника? Из того, что я написал в жизни несколько немецких рифмованных стихов¹ и даже вольно переложил (вернее, пересказал) одну часть своей большой поэмы («Человек») в немецких белых стихах, Вы слишком смело — и лестно для меня — заключили, что мне ничего не стоит перевести на немецкий язык дивное стихотворение Боратынского, да еще и строже Тютчева². Нет, дорогой друг, не все равно — сказать свое или чужое даже на родном языке поэта: я хочу сказать, что перевод вообще бесконечно труднее оригиналь-

ного творчества вообще³, — а перевод на немецкий... Да вот Вам, вместо лишних слов, образец моего «перевода» собственных стихов. Оригинал:

Пасомы Целями родимыми,
К ним с трепетом влечемся мы,
И, как под солнцами незримыми,
Навстречу им цветом из тьмы⁴.

«Перевод»:

Gute Hirten, zu des Lebens Bronnen
Lenkt ihr uns, ihr ewigen Ziele, sacht!
Und den Strahlen unsichtbarer Sonnen
Blüht das Herz entgegen aus der Nacht⁵.

За такой «перевод» наших классиков меня не поблагодарят. Вы видите в чем дело: я растворяю кристаллизованный в слове поэтический образ как бы в эфирную среду, его породившую, и, вобрав его в себя, растворенный, ставший бесплотным, сызнова кристаллизую его в сфере другого языка, сообразно законам и внушениям этой сферы, стремясь добыть идейный и музыкальный эквивалент прежнего воплощения, которое в новой реинкарнации перестает быть внешне похожим на свой первоначальный облик. Хорош был бы портретист, который вместо Вашего портрета — портрета Эмилия Метнера — поднес бы Вам Ваше изображение в каком-нибудь бывшем или грядущем Вашем перевоплощении (ответственность за факт перевоплощения возлагаю всецело на близких Вашему сердцу антропософов!⁶) — примерно в виде Парацельса или Аристоксена⁷. Одним словом, благодарю Вас от души и за лестное обо мне мнение и за Ваше заманчивое, но превышающее мои силы предложение и прошу Вас сказать <...>⁸ вместе с моим сердечным приветом, что в этом деле служить ему не могу. А вот мое предложение Вам вполне соответствовало бы Вашим возможностям: а именно, я прошу автора лучшей критической статьи о моей «Русской идее» не отказать мне и в критической статье на страницах N. Z. Zeitung о моем «Достоевском»⁹ — сделайте это для меня, дорогой друг, со свойственной Вам глубиной и остротой философской мысли¹⁰. Я знаю, что Достоевского Вы не очень-то любите¹¹; но моя конструкция и интерпретация должны Вас заинтересовать. Как я огорчен и встревожен Вашим темным намеком на нечто очень тяжелое, что Вам довелось пережить. Напишите два слова о своем личном и о Николае

Карловиче с семьей. А об «Ахине»¹² — nous en reparlerons encore!¹³

Обнимаю Вас заочно.

Вяч. Иванов.

Не знаю, о каком знакомом Нессельштрауса Вы говорите. Уж не о моем ли приятеле, редакторе «Corona», Dr. Herbert Steiner (Winkelweise 5), с которым я давно мечтаю Вас сблизить?¹⁴ Мне кажется, он Вам телефонил этой осенью.

Не знаю, где я говорю о lyrische Haltung?¹⁵ М[ожет] б[ыть], «По звездам», Спорады — о лирике (стр. 349—356)?

¹ В книге стихов «Cor ardens» В. И. Иванов поместил шесть стихотворений на немецком языке, обращенных к его другу И. фон Гюнтеру (см.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. II, с. 337—340).

² Ближайшее будущее показало, однако, что заключение Э. К. Метнера не было «слишком смелым»: статья В. И. Иванова «Zwei Russische Gedichte auf den Tod Goethes» («Два русских стихотворения на смерть Гете») была опубликована в журнале «Corona», 1933/1934, Jahr IV, Heft 6, S. 697—703. Русский и немецкий тексты статьи см.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. IV, с. 158—166. Стихотворения, о которых идет речь в письме и которые В. И. Иванов, переведя на немецкий язык, включил в свою статью: Боратынский «На смерть Гете» («Предстала, и старец великий смежил...»), Тютчев «На древе человечества высоком...». Оба стихотворения написаны в 1832 году.

³ Слова от «перевод вообще» до «творчества вообще» Э. К. Метнер подчеркнул красным карандашом.

⁴ В. И. Иванов цитирует свое стихотворение «Вечные дары» (из книги «Cor ardens»). См.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. I, с. 568.

⁵ Дословный обратный перевод:

Добрые Пастыри, к родникам жизни
Вы тихо ведете нас, вечные Цели!
И к лучам невидимых Солнц
Наше сердце цветет из ночи.

(Т а м ж е, т. IV, с. 771.)

Эту цитату на немецком языке В. И. Иванов приводит в своей книге «Достоевский. Трагедия — Миф — Мистика» (т а м ж е, с. 503, 770—771).

⁶ Ничего подобного! Всю жизнь Э. К. Метнер был убежденным противником и критиком штейнерианства и антропософии, чего не скажешь о самом В. И. Иванове (см. прим. 2 к письму 8). Быть может, он с преднамеренной небрежностью путает «антропософию» и «психоаналитику»?

⁷ Теофраст П а р а ц е л ь с (1493—1541) — немецкий ученый, врач и философ, доказывавший возможность магического воздействия человека на природу с помощью тайных средств.

А р и с т о к с е н (IV в. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Аристотеля.

⁸ Фамилия (или имя) написана очень неразборчиво. Если ее начертание принять за латинский текст, то похоже на «Steppun'u»; если же за русский, то похоже на «Коррадо».

⁹ Слова от «прошу Вас сказать» до «о моем «Достоевском» Э. К. Метнер отметил на полях письма красной чертой.

¹⁰ Книга В. И. Иванова «Dostojewskij» вышла в 1932 году в издатель-

стве J. C. В. Mohr (P. Siebeck). Через несколько месяцев после прихода к власти Гитлера она практически была изъята из книжных магазинов. Об истории перевода этой книги на немецкий язык (одним из инициаторов которого был и Ф. А. Степун) подробнее см.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. IV, с. 757—770.

¹¹ Это действительно так. В письме к А. Белому, написанном в конце июня 1911 года, Э. К. Метнер, касаясь вопроса о соотношении немецкой и русской культур, писал следующее:

«Так как вы, очевидно, обиделись (и притом зря) на микроскоп и ковыряние и метнули мне потому фразу о превосходстве русской литературы, то я постараюсь в двух словах Вам ответить и Вас успокоить. Во-первых, я вовсе не огульно всех (как Вы пишете) упрекаю в «ковырянье» (термин Мусоргского NB!!) и в раздувание бесконечно малых величин до размеров бесконечно больших (занятие, кстати сказать, самоубийственное, недопустимое и с оккультной точки зрения). Во-вторых, я смею как русский немец в силу между-двух-народного своего положения говорить правду и направо и налево, и Вы не знаете, с какою горячностью я заступаюсь всегда за русских в разговоре с немцами? В-третьих, я говорю об опасных чертах русских — Вам, который знает мою любовь к Пушкину. Лермонтову, к русской природе, знает, что я — первый, отметивший Вас как народного писателя и сказавший да этому Вашему народничеству *suī generis* (своеобразному (лат.). — В. С.). В-четвертых, наконец, «слащавая приторность» и «мещанское благополучие» определяют не великих немцев, а средних и малых, тогда как излишним ковыряньем заражены такие великаны, как Достоевский. Я берусь доказать, что все выверты и ужасы и бездны, кот[орые] встречаются у Достоевского, имеются и у Гете, и у Ницше, и у других великих немцев, но они стоят над этим, а не никнут от этого» (ОР РГБ. Ф. 25. К. 20. Ед. хр. 7. Л. 23 об.).

¹² А х и н с а — этнический принцип индийской философии, означающий непричинение вреда всему живому.

¹³ Мы еще поговорим! (франц.).

¹⁴ Герберт Ш т а й н е р (1892—1966) — соредактор (вместе с Мартином Бодмером) журнала «Corona». О знакомстве с ним В. И. Иванов писал Е. Д. Шору из Рима 16 июля 1927 года: «Приезжали ко мне в Павию два незнакомых швейцарца из Цюриха (некий Steiner) в поисках моих работ и хотели писать Waibel'ю о разрешении напечатать кое-что из книги о Достоевском в швейцарских журналах» (Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. IV, с. 764—765). Отрывки из книги о Достоевском — «Dostoevskij als Denker» — были напечатаны 2 февраля 1931 года в «Neue Schweizer Rundschau».

¹⁵ Лирическое отношение; здесь: лирика вообще как жанр поэзии (нем.). В IV разделе «Спорад» («спорадами» греки называли все рассеянные по Эгейскому морю острова, кроме Киклад, выстроенных в цепочку; это слово В. И. Иванов употребляет в значении «разрозненные, отрывочные мысли», афоризмы) — «О лирике» — В. И. Иванов писал:

«Поэзия — совершенное знание человека, и знание мира чрез познание человека.

Лирика, прежде всего, — овладение ритмом и числом, как движущими и зиждущими началами внутренней жизни человека; и, чрез овладение ими в духе, приобщение к их всемирной тайне.

Задача и назначение лирики — быть силою устроительной, благовестительницей и повелительницей строя. Ее верховный закон — гармония; каждый разлад должна она разрешить в созвучие.

Эпос и драма заняты событиями, текущими во времени, и решениями противоборствующих волей. Для лирики одно событие — аккорд мгно-

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

Вольфингу¹

Мой брат, Одина² волк! Не только мне сказало
Твое признание, что вновь разлуки жало
В больную грудь твою вонзил ревнивый рок,
Чтоб — дух скитальческий — вновь был ты одинок:
Оно ж мне принесло и жизни весть благую,
Что вновь любим ты был, что душу ты живую
Обрел и год спасал в объятиях любви...³
И животворный дар, и боль благослови!

Вяч. Иванов.

19 марта 1932.

¹ Псевдоним Э. К. Метнера, который ему дал А. Белый (см.: Андрей Белый, Начало века, с. 94, 584).

² О д и н — верховный бог в скандинавской мифологии.

³ «Признание», о котором упоминает В. И. Иванов, по-видимому, содержалось в письме Э. К. Метнера (ответном на предыдущее письмо), в котором он, выполняя просьбу друга написать «два слова о своем личном», поведал о том «очень тяжелом», что ему «довелось пережить». В «Материалах к воспоминаниям» («Б.И.Б.М.Ж.») Э. К. Метнера сохранились две отрывочные записи, которые, кажется, способны пролить некоторый свет на этот «очень тяжелый» эпизод его жизни. Приводим их полностью: «<...> «ausgerechnet» (как нарочно. — В. С.) должны происходить еще великие недоразумения. Накануне (т. е. в воскресенье) Зузи сказала, что после обеда приедет со мной проститься, безразлично пойду ли я потом ее провожать на вокзал или нет. Я сказал ей, что буду ее ждать и не пойду никуда после обеда (ибо до обеда я все равно почти никогда не выхожу, как Вы знаете). Раздосадованный тем, что она последний вечер (т. е. воскресенье) провела с В-ерами и вообще с чужими, я опять долго не мог заснуть, а т[ак] к[ак] я и предшествующие ночи почти не спал, то <...>» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 15. Ед. Хр. 1. Л. 62 об.); «<...> постепенно все сведет на нет не раньше как она, родив ребенка, оправится от родов. Тогда я покину навсегда Цюрих. — До тех пор постараюсь мужественно терпеть. Сил для моей работы у меня нет. Весь запас, накопленный в Америке, расстрелян зря. — Не огорчайтесь! Такова моя судьба. Тяжко — внешне — только то, что я живу так близко от Зузи и что живу хорошо, и жаль было бы съезжать <...>» (там же, л. 63 об.).

В. И. ИВАНОВ — Э. К. МЕТНЕРУ

28 августа [1933]¹

Дорогой Эмилий Карлович,

Спешу возвратить Вам гороскоп и прошу извинить мою растерянность: я усвоил себе из Вашего письма от 8 августа, что его не нужно высылать в Германию, но вообразил

себе Вас почему-то уже там; и тогда как Вы ясно пишете, что он должен быть возвращен к 20 августа, я задержал его нарочно, чтобы он не пропал как-нибудь, попав в Цюрих в Ваше отсутствие. Одним словом, *ist war verrückt*², а может быть, это все — «*Tücken des Objektes*»³, Вас, согласно гороскопу, преследующие. Благодарю Вас за его сообщение: он действительно дает разительно точное изображение как основных черт Вашей личности, так и тончайших их особенностей: Ваш внутренний облик, — ах! и Ваша полная самоотречений и всячески «*aus einem nicht klaren Gründe*»⁴ затрудненная судьба — намечены твердо во всем своеобразии того и другой. Но что меня особенно утешило, это — последнее изречение: «*doch führt dieser Aspekt in Verlauf zu einem Trigon des Uranus auf die Radix — sonne (? — welch in Kauderwelsch!), wodurch eine positive Verarbeitung der Erlebnisse möglich*»⁵ — и торжествую, видя Ваши заявления о «невозможности» написать ее астрологически опровергнутыми⁶. В общем же, гороскоп отвечает вполне старинному принципу астрологии: «*astra inclinant, non necessitant*»⁷.

Возвращаю Вам с благодарностью и один из двух находящихся у меня экземпляров статьи Н. К. о Рахманинове⁸, оставляя себе другой на память или до востребования с Вашей стороны. Статья, глубоко интересная прежде всего как **в ы с т р а д а н н ы й**⁹ в течение целой подвижнической жизни **п р о т е с т к е л ь и п р о т и в п л о щ а д и** (помните мои старинные рассуждения о «келейном таинстве»?¹⁰), говорит собственно о невыразимом словами — и, благодаря какой-то **м а г и и н а п р я ж е н н о г о ч у в с т в а**, успевает его выразить, мы убеждаемся в верховном даре рахманиновской музыкальности, в его природной кровной связи с самою душою музыки, но все же не узнаём при этом (и вовсе не по вине автора статьи, а вероятно, по существенной духовной близости музыкального медиума, о котором статья трактует), что́ такое R[ахманинов] как композитор, т. е. какую весть Духа приносит он музыкальной Душе мира, ждущей ее от человека. Ведь произведение искусства — чудо брака, в страстной взаимной любви совершающегося между человеческим духом и мировою Душой (музыкальскою или пластическою стихией), и весть духа — не «содержание», выраженное в понятиях, а *logos spermaticós*¹¹, семя Логоса. Но есть зачатия, в которых деятельность мужского начала сведена как бы только к первому физическому импульсу генеративного процесса, совершающегося в женщине и силами женщины; есть художники почти всецело душевные, и к ним, должно быть, принад-

лежит Рахманинов. Б р а т ж е В а ш в л ю б л е н в н е г о ,
к а к м ы в л ю б л я е м с я в ж е н щ и н у .

Под конец только приходится мне сказать — пока лишь два слова — о Вашем великолепном письме от 7 июня (июня! — *heu me miserum!*¹²), в котором так свободно и роскошно развернулась Ваша меня чарующая *Unzeitgemässheit*¹³. Мне стыдно было читать эти написанные с мучением, больною рукой, — хотя и без малейшего изменения почерка, — бурные и блестящие страницы, — такой труд Вы совершили для меня, — но как я Вам был за них благодарен! Благодарен и теперь, перечитывая их, и размышления при перечитывании будут Вам неукоснительно сообщены. Я давно собирался отдаться этому утонченному умственному удовольствию — заботы дня густою ратью вставляли между вожделением и свершением¹⁴.

Обнимаю Вас, дорогой друг, и благодарю за ласку к Диме, который рассказывает о Вас с любовью. Ваш верный

Вяч. Иванов.

*Ceterum censeo, mi Aristoxene, conscribendam esse Poesin et Noesin vitae quam vixisti, ac sine mora strenue incohendam*¹⁵.

¹ Письмо датируется на основании упоминаемой в нем статьи Н. К. Метнера о Рахманинове (см. ниже прим. 8).

² Нашло затмение (нем.).

³ Коварство вещей (нем.).

⁴ По какой-то невыясненной причине (нем.).

⁵ Но такая конфигурация (имеется в виду расположение звезд. — В. С.) ведет под углом Урана в направлении к источнику света (букв.: корне-свету. — В. С.) (? — что за тарабарщина!), благодаря чему возможно некоторое положительное преображение жизни (букв.: пережитого. — В. С.) (нем.).

⁶ Речь, по-видимому, идет о сетованиях Э. К. Метнера на невозможность написать свою биографию. Эти сетования — также один из лейтмотивов его записок. Вот некоторые из них (нечто подобное Метнер писал, наверное, и В. И. Иванову):

«Неоднократно порывался я в течение шестого десятилетия своей жизни приступить к Воспоминаниям. Как раз за эту пору все пережитое вспоминалось легче, чаще и живее вплоть до мельчайших подробностей не только фактической стороны, но и эстетической, если под последнею разумею те настроения и ощущения, которыми проникались или обрастали события и которые многим, самым по себе неважным или обыкновенным обстоятельствам придавали неповторимую значимость.

Тысячекратно прерывали эти всколыхнувшиеся образы, краски, звуки прошлого все ту же скучную и подневольную работу, вторгались властно в те все более и более редкие часы утекающей жизни, когда опять словно что-то вновь загорается как будто счастливое, как будто удачное в мысли и в чувстве...

Что же удерживало, что мешало идти этим сказам навстречу, хотя бы

наскоро записывая то, о чем они с особенною настойчивостью повествовали?

Не стану здесь говорить, словно в защиту себя от чьих-то справедливых упреков, о внешних препятствиях к такой записи. О них речь идет в другом месте. Не было достаточного внутреннего побуждения для такой записи. У не-поэта и не-беллетриста по призванию и дарованию состояться может она...» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 15. Ед. хр. 1. Л. 8—8 об.).

⁷ Звезды склоняют, но не принуждают (лат.).

⁸ Имеется в виду статья Н. К. Метнера «С. В. Рахманинов», опубликованная в парижской газете «Россия и славянство» 1 мая 1933 года (см.: «Воспоминания о Рахманинове», т. 2, с. 347—351).

⁹ Здесь и далее разрядкой набраны слова, которые в оригинале Э. К. Метнер подчеркнул красным карандашом.

¹⁰ О «келейном» искусстве (то есть искусстве художников, преодолевших индивидуализм; искусстве, предваряющем искусство всенародное) В. И. Иванов писал в книге «По звездам» (СПб., 1909), особенно в статьях «Предчувствия и предвестия» и «Эстетика и исповедание» (см.: Вячеслав И в а н о в, Собр. соч., т. II, с. 90, 568).

¹¹ Семенной («сперматический») Логос (греч.) — в философии стоиков и Плотина «осеменяющая» мир идея, из которой произрастают индивидуальные существования и возникает космическая связь.

¹² Увы мне, несчастному! (франц.).

¹³ Букв.: несвоевременность (нем.). В данном контексте лучше перевести как «вневременность» или даже «всевременность».

¹⁴ О «многочисленных и крайне интересных письмах Метнера» к В. И. Иванову, хранящихся в его римском архиве, упоминает в своих воспоминаниях Л. В. Иванова. Там же она приводит отрывки (к сожалению, очень короткие) из двух писем Э. К. Метнера:

«Душа у меня окончательно перетерлась», — пишет Метнер (в письме без даты, вероятно, 30-х годов). В письме от 28 февраля 1936 г., поздравляя Вячеслава с семидесятилетием, Э. К. пишет: «Хочу /.../ просто сказать Вам, что встреча с Вами на этой мною не особенно любимой планете принадлежит к немногим счастливым моментам моей жизни /.../. Мое здоровье пошатнулось, а главное, я изнеможен в конец» (Лидия И в а н о в а, Воспоминания. Книга об отце, с. 218).

¹⁵ Кроме того, мой Аристоксен, я думаю, что поэты и ученые должны больше описывать жизнь, чем жить, и должны бесстрастно и с усердием сочинять (лат.).

*Вступительная статья, публикация
и комментарии В. САПОВА.*